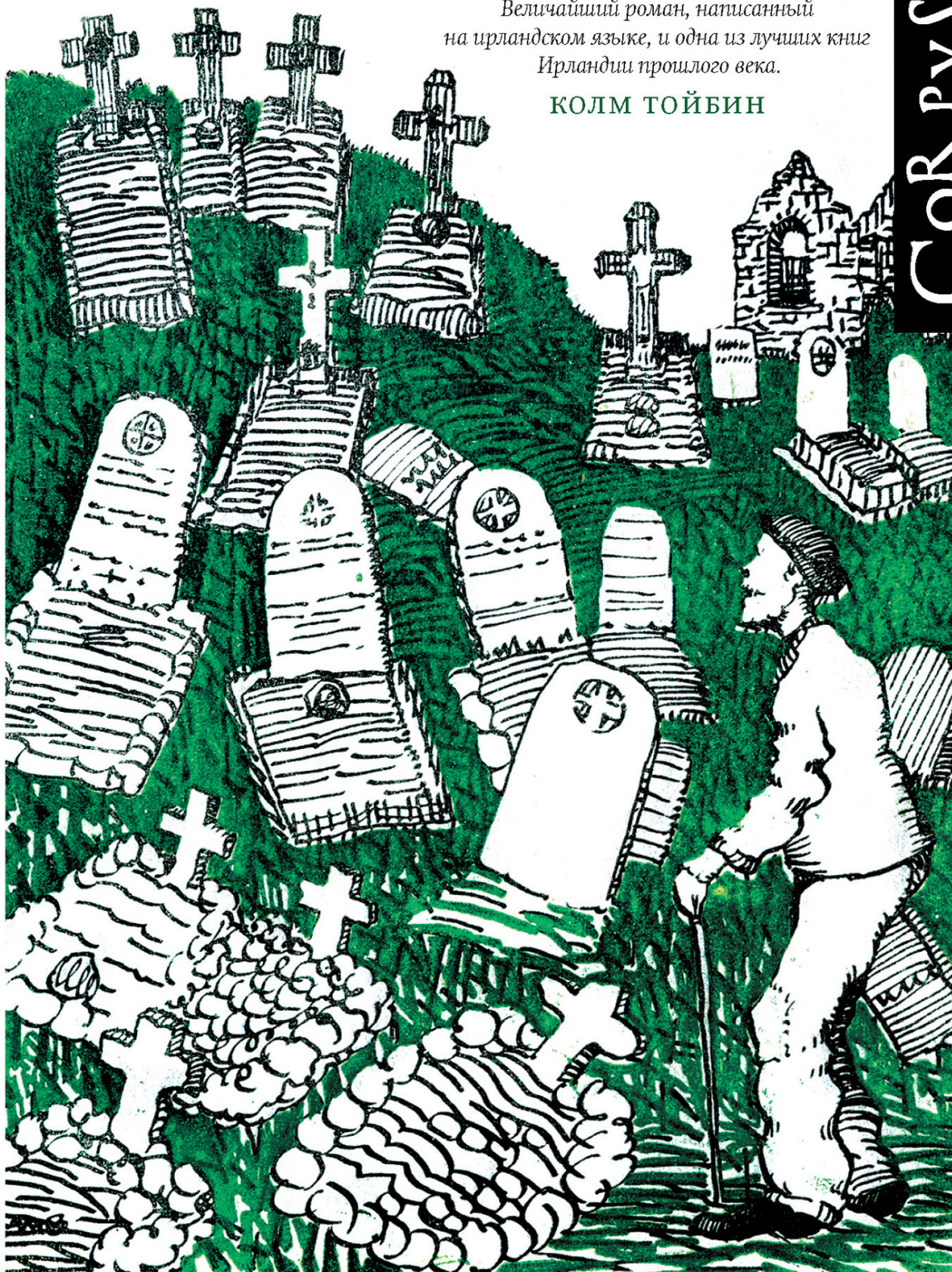

МАРТИН О КАЙНЬ ГРЯЗЬ КЛАДБИЩЕНСКАЯ

Величайший роман, написанный
на ирландском языке, и одна из лучших книг
Ирландии прошлого века.

КОЛМ ТОЙБИН

CORPUS

Мартин О Кайнь
Грязь кладбищенская

«Corpus (АСТ)»

1949

УДК 821.111.521
ББК 84(4Ирл)-44

О Кайнь М.

Грязь кладбищенская / М. О Кайнь — «Corpus (АСТ)», 1949

ISBN 978-5-17-110648-5

Все персонажи романа “Грязь кладбищенская” мертвы, но упокоены ли? Загробное бытие нисколько не убавило в них горячего интереса к новостям, свежим сплетням и слухам из мира живых. Лежа под землей, они злословят, подличают, врут, заискивают и сводят счеты едва ли не более увлеченно, чем когда-то на земле. Однако поделаться уже ничего не могут – им остается только разговаривать, и потому весь роман написан целиком как полилог. Книга-театр, “Грязь кладбищенская” классика ирландской литературы Мартина О Кайня – подлинный образец безжалостного комизма, музей человеческих типажей и одновременно проникновенное размышление о скоротечности и нелепости человеческой суеты.

УДК 821.111.521

ББК 84(4Ирл)-44

ISBN 978-5-17-110648-5

© О Кайнь М., 1949
© Corpus (АСТ), 1949

Содержание

Интерлюдия номер один	8
1	9
2	12
3	16
4	18
5	21
6	23
7	29
8	33
Интерлюдия номер два	36
1	37
2	40
3	42
4	45
5	47
6	51
7	53
Интерлюдия номер три	55
1	56
2	57
3	62
4	65
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Мартин О Кайнь

Грязь кладбищенская.

Повествование в десяти интерлюдиях

В этой книге не повествуется ни об одном человеке из тех, что живы или умерли, и ни об одном кладбище из тех, что есть.

КАТРИНА ПАДИНЬ

This book was published with the support of Literature Ireland
Книга издана при финансовой поддержке Literature Ireland

© Sáirseal agus Dill, 1949

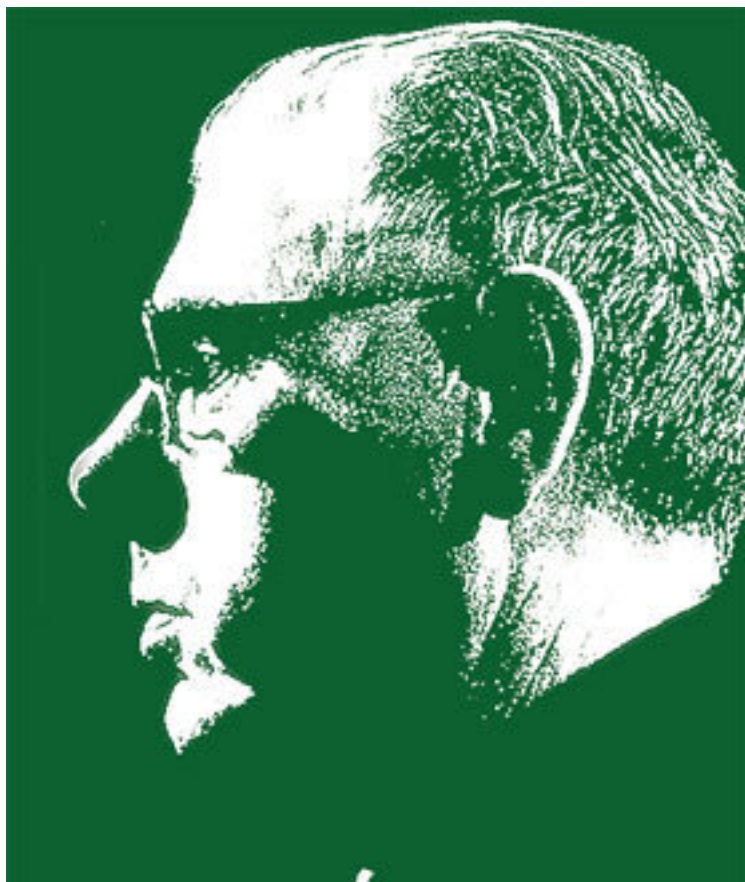
© Ю. Андрейчук, перевод, 2020

© ООО “Издательство АСТ”, 2020

Издательство CORPUS ®

* * *

MÁIRTÍN Ó CADHAIN
CRÉ NA CILLE
Áithris i nDeich nEadarlúid

Яркая философская сатира ирландского писателя Мартина О Кайня, написанная на ирландском языке, стала классикой ирландского модернизма и одновременно образцом настоящей европейской литературы. Все герои этого романа умерли. Бывшие соседи, упокоенные на сельском кладбище в Ирландии, продолжают сводить счеты, жалеть о несбывшемся и вспоминать о прошлом, перебивая друг друга в бесконечном диалоге. И это единственное, что после смерти суждено им в грязи кладбищенской, где странным многоголосым эхом отзываются самые яркие мгновения их земной жизни.

Многочисленным персонажам, что появляются и исчезают в неумолчной беседе, составляющей весь роман, деться некуда – они запряты по своим гробам на местном кладбище. Но смерть не лишила их голосов... “Грязь кладбищенская” – образ загробной жизни, переполненной словами, и проникнуть в этот мир более чем стоит.

GUARDIAN

Насыщенный, поэтический, сумрачный комический шедевр... восхитительно привольный гимн всему, что есть гнусного в человеческой природе.

SUNDAY TIMES

Это не только ирландская, но всемирная классика, заслуживающая места на книжной полке любого образованного читателя.

IRISH TIMES

Пусть все персонажи “Грязи кладбищенской” – покойники, роман переполнен жизнью.

WASHINGTON POST

ПЕРСОНАЖИ

КАТРИНА ПАДИНЬ – Катрина, дочь Падиня. Новопреставленная
ПАТРИК КАТРИНЫ – Патрик, сын Катрины. Ее единственный сын
ДОЧЬ НОРЫ ШОНИНЬ – Жена Патрика, сына Катрины. Живет в одном доме с Катриной
МАЙРИНЬ – Девочка-подросток, ребенок Патрика и дочери Норы Шонинь
НОРА ШОНИНЬ – Нора, дочь Шониня. Мать жены Патрика, сына Катрины
БАБ ПАДИНЬ – Баб, дочь Падиня. Сестра Катрины и Нель. Живет в Америке. Все ждут ее наследства
НЕЛЬ ПАДИНЬ – Сестра Катрины и Баб
ДЖЕК МУЖИК Муж – Нель
ПЯДАР НЕЛЬ – Пядар, сын Нель и Джека
МЭГ БРИАНА СТАРШЕГО – Дочь Бриана Старшего, жена Пядара, сына Нель
БРИАН МЛАДШИЙ – Младший Бриан. Сын Пядара Нель и Мэг, дочери Бриана Старшего. Учится на священника
БРИАН СТАРШИЙ – Отец Мэг
ТОМАС ВНУТРЯХ – Родственник Катрины и Нель. Обе они притязают на его землю
МУРЕД ФРЕНШИС – Муред, дочь Френшиса. Ближайшая соседка и давняя подруга Катрины

ПРОЧИЕ СОСЕДИ И ЗНАКОМЫЕ

БИДЬ СОРХА – Плакальщица. Любит выпить

КОЛЛИ – Народный сказитель. Не умеет читать

КИТИ – Соседка Катрины, которая дала ей фунт займы, но так и не получила его назад

ШТИФАН ЗЛАТОУСТ – Сосед. Не пришел на похороны Катрины, потому что “не слышал о них”

ПЯДАР ТРАКТИРЩИК – Владелец паба

ДЖУАН ЛАВОЧНИЦА – Владелица единственного в деревне магазина

ТИМ ПРИДОРОЖНИК – Живет в хижине на окраине деревни. Соседи обвиняют его в кражах

МАНУС ЗАКОННИК – Юрист, который ведет дела Катрины и ее семьи

ШОНИНЬ ЛИАМ – Старик, у которого слабое сердце

БРИДЬ ТЕРРИ – Хочет на кладбище только мира и покоя

А также Мартин Ряба, Проглот, Бергла Черноног, Патрик, сын Лауруса, Старый Учитель, Том Рыжик и многие другие.

ОБОЗНАЧЕНИЕ ДИАЛОГОВ

– начало реплики

– ...продолжение реплики

... обрывок диалога или реплики

Интерлюдия номер один Грязь черная

КАТРИНА ПАДИНЬ

1

Интересно, на каком же участке я похоронена: За Фунт или За Пятнадцать Шиллингов?¹ Или их совсем дьявол обуял, и они меня бросили в Могилу За Полгинеи² – после всех-то моих наказов! Утром того дня, как я скончалась, позвала Патрика из кухни: “Заклинаю тебя, Патрик, дитя мое, – говорю ему, – похорони меня в Могиле За Фунт. За фунт! У нас многим выбирают Участок За Полгинеи, а все равно...”

И я им велела купить у Тайга самый лучший гроб. Хороший дубовый гроб по крайней мере... На мне накидка со скапулярием³. И саван. Я их сама приготовила... А на саване-то пятно. Никак след от копоти. Да нет. Отпечаток пальца. Жена сына моего, не иначе. На кого же еще это похоже, такое неряшество. Если бы Нель только видела! Наверняка была на похоронах. Но ее бы уж точно там не оказалось, клянусь Богом, будь моя воля...

Как же небрежно Кать Меньшая подогнала саван. А я всегда говорила, что не стоит ни ей, ни Бидь Сорхе наливать ни капельки, пока тело не вынесут из дому подальше. Я же предупреждала Патрика близко не подпускать их к савану. Но Кать Меньшая ведь не может удержаться, чтоб не подойти к усопшему. У нее самая большая мечта, чтоб повсюду в двух деревнях были одни покойники. Пусть урожай в борозде сгниет хоть десять раз, а ей только подай покойника.

... На груди у меня распятие, что я покупала в миссии... А где же черный крест, который жена Томашина для меня святила в часовне в Кноке⁴, как раз когда Томашина должны были наконец связать? Говорила я им, чтоб и это распятие тоже на меня надеть. Оно и смотрится гораздо лучше этого. С тех пор как дети Патрика его уронили, на этом-то Спаситель погнулся. А на черном Спаситель вон какой роскошный. Да что со мной? Опять я все позабыла, как всегда! Вот же оно, у меня под головой. Какая жалость, что мне его не положили на грудь...

Четки они могли бы и понадежнее вложить мне в пальцы. Нель, должно быть, сама этим занималась. Уж она бы радовалась, если б они выпали, когда меня стали класть в гроб. Господи, Господи, только бы она держалась от меня подальше...

Надеюсь, они зажгли восемь свечей вокруг моего гроба в церкви. Я им специально их приготовила в углу, в ящике, под бумагами на арендную плату. Вот уж чего никогда не поставят в этой церкви вокруг тела, так это восемь свечей: у Куррина было всего четыре, у Лиамы, сына Томаса Портного, – шесть, но зато у него дочь-монашка в Америке.

Три бочонка портера я велела добыть на поминки, а Эмон с Верхнего Луга мне лично обещал, что ежели под горой⁵ останется хоть капелька чего покрепче, то он сам все привезет и не заставит себя упрашивать. Все это непременно бы понадобилось, при таких-то алтарных

¹ Шиллинг – британская монета, находившаяся в обращении с начала XVI века до 1971 года. В одном шиллинге было 12 пенсов, 20 шиллингов составляли британский фунт стерлингов. *Здесь и далее примечания переводчика. Некоторые примечания – с нашей большой признательностью – составлены с учетом комментариев к переводу романа с ирландского языка на английский, выполненному Лиамом Мак Кон Имаре.*

² Гинея – британская монета, которую изначально чеканили из золота, привезенного из Гвинеи. Гинея ценилась выше фунта и состояла из 21 шиллинга (в одном фунте было 20 шиллингов). Однако участок на кладбище за полгинеи (10,5 шиллинга) в данном случае самый дешевый из возможных.

³ Скапулярий – изначально название элемента монашеского облачения, род фартука в виде длинной широкой ленты с прорезью для головы, один конец лежит на груди, другой на спине. Малый скапулярий – особый предмет из двух прямоугольников материи, скрепленных шнурком, с нанесенными на них религиозными текстами или изображениями. Именно малый скапулярий могут носить и католики-миряне, принявшие определенные обеты.

⁴ Кнок – деревня в графстве Мэйо в Ирландии, где в конце XIX века наблюдались явления верующим Девы Марии и различных святых. У ирландских католиков – важное место паломничества.

⁵ В Коннемаре, на западном побережье графства Голуэй слово «гора» обозначало не только возвышенность, но и любую необработанную пустошь. В таких местах тайно изготовлялся и хранился официально запрещенный ирландский самогон (*потши*).

деньгах⁶. По крайней мере четырнадцать или пятнадцать фунтов. Я-то посылала кое-кого или шиллинг-другой много куда, где сама не появлялась на похоронах, особенно в последние пять-шесть лет, когда принялась хворать. Думаю, с Холмов-то все пришли. Жалко, если нет. Мы-то к ним на похороны ходили. Вот вам, считай, и первый фунт. А там и люди из Озерной Роши – следом за зятьями-то. Вот вам бóльшая часть второго фунта. Ну и вся Пастушья Долина задолжала мне похороны... Не удивлюсь, если Штифан Златоуст не пришел. Мы всегда бывали у него на всех похоронах. Но он-то заявит, что ни о чем таком не слыхивал до тех самых пор, пока меня не похоронили. И какие песни он тогда запоет: “Уверяю тебя, Патрик О’Лидань, даже если б я весь кровью изошел, я б на похороны явился. Обещал же Катрине Падинь, что хоть ползком на коленях, а доберусь, но клянусь тебе, я слыхом ничего не слыхивал до того самого вечера, когда ее уже похоронили. От какого-то малого...” Вот такой он трепач, этот Штифан!..

Интересно, хорошо ли меня оплакали. Не скажу дурного слова, Бидь Сорха умеет очень красиво причитать, если, конечно, не выпьет лишнего. Уверена, что Нель наверняка тоже там околачивалась. Рыдала, а у самой по щеке ни слезинки не скатилось, у гадины. Она-то к дому и близко подходить не смела, покуда я была жива...

Нель теперь счастлива. Я-то думала, что проживу еще несколько лет и похороню ее, заразу. Она сильно сдала с тех пор, как покалечился ее сын. А к доктору ходить для нее было обычным делом и в прежние дни. Но у нее ничего такого особенного. Ревматизм. От него ей смерти ждать еще долго. Она за собой хорошо следит. Не то что я. Теперь-то знаю. Извела я себя тяжким трудом, уморила. Мне бы обратить внимание на те боли до того, как они постоянными сделались. Но если уж поселились они в почках, то твоя песенка спета...

Я была на два года старше Нель, что ни говори... Баб, потом я и следом Нель. Год назад, на Михаила-архангела⁷, я получила пенсию. Но получила до положенного срока. Баб, так или иначе, дожила почти до девяноста трех лет. Скоро ей помирать, как бы она ни старалась. В нашем роду никто долго не живет. Но едва она услышит о моей смерти, то поймет, что скоро придет и ее время, и, конечно, огласит свое завещание... Вот Нель она и оставит все до последнего гроша. Эта зараза все-таки меня обскакала. Выдоила Баб досуха. Но доживи я до тех пор, как Баб огласит завещание, она отдала бы мне половину всех денег, несмотря на Нель. Баб такая переменчивая. Мне она больше всех писала последние три года, с тех пор как переехала из семьи Бриана Старшего, из Норвуда, в Бостон. Большое утешение, что Баб по крайней мере вырвалась из этого змеино-го кубла...

Но она так и не простила Патрику, что тот женился на этой кошелке с Паршивого Поля и отказался от Мэг, дочери Бриана Старшего. Она бы и близко не подошла к дому Нель, когда приехала домой из Америки, если бы сын Нель не женился на дочери Бриана Старшего. Да и с чего бы ей? Это же хибара, а не дом. К тому же тесная хибара. Уж никак не дом для янки, во всяком случае. Не знаю, как она там ютилась после нашего-то дома и тех больших домов в Америке. Но прожила она там недолго, скоро снова уехала обратно...

Больше Баб не вернется в Ирландию, ни в жисть. Так она решила. Но кто знает, что взбредет ей в голову, когда кончится эта война, – если Баб, конечно, еще будет среди живых. А Нель-то могла бы вытягивать себе мед из улья. Она достаточно хитрая и изворотливая для этого дела... Да ну ее к дьяволу, эту Баб, ведьму старую! Хоть она и ушла из семьи Бриана

⁶ Алтарные деньги, или «алтарь» – пожертвование, собиравшееся у алтаря, в том числе после заупокойной службы, перед похоронами. Основной монетой для пожертвований был, как правило, шиллинг, поэтому, чтобы собрать необходимую для похорон сумму, требовалось присутствие и участие в похоронах большого количества родных и близких.

⁷ День Михаила-архангела в Ирландии отмечается 29 сентября. Хотя обязательный в Средние века католический праздник постепенно утратил свое значение, в Ирландии авторитет Архангела Михаила не уступал авторитету Богородицы. Этот праздник считался важной датой, в том числе для взаиморасчетов, и в ирландском народном календаре дает название всему сентябрю.

в Норвуде, но по-прежнему очень близко знается с Мэг, Бриановой дочкой... И какой же олух мой Патрик, что не послушал ее совета и женился на дочери этой страшной чувырлы. “Ничего у вас со мной не выйдет, – говорил дурачок. – Не возьму Брианову Мэг, хоть бы за ней давали всю Ирландию”. Баб после этого убежала к Нель с таким видом, будто ей по уху съездили, и больше к нашему дому близко не подходила, только заглянула на порог в тот день, когда возвращалась в Америку.

– ...Обожаю Гитлера. Вот это парень...

– Если побьют Англию, страна погрузится в анархию. Экономика у нас уже развалилась...

– ...Вот ты каков, Одноухий Портной! Это ты бросил меня здесь лежать за полсотни лет до срока. Род Одноухих всегда горазд на подлый удар! Ножи, камни, бутылки. Ты не дрался, как мужчина, ты зарезал меня...

– ...Дайте сказать. Дайте сказать...

– Крестною силой защити нас, Господи! – жива я или мертва? А эти все здесь, живые они или мертвые? Они же тараторят в точности как на земле! Я-то думала, что с того часа, как меня принесли в церковь, отпели и мне не нужно больше тяжело трудиться, хлопотать по хозяйству, беспокоиться о погоде, бояться бури, мне будет дарован покой... На что ж эта возня в грязи кладбищенской?

2

– ...Ты кто? Ты давно здесь? Ты слышишь меня? Не стесняйся, чувствуй себя как дома. Я Муред Френшис.

– Дай тебе Бог счастья! Муред Френшис, что прожила рядом со мной всю мою жизнь. Я Катрина. Катрина Падинь. Ты помнишь меня или здесь теряют память о прежней жизни? Я-то еще ничего не забыла, ни чуточки...

– Да и не забудешь. Жизнь здесь такая же, Катрина, что была в *обылд кантри*⁸, просто ничего, кроме могилы, где лежим, не видим, и из гроба нам не выбраться. Живых тоже не слышишь, и никак не узнать, что с ними происходит. Помимо того, что расскажут новопреставленные покойники. Но мы с тобой снова соседи, Катрина. Давно ты здесь? Я не слыхала, как ты пришла...

– Не знаю, то ли я умерла в День святого Патрика, то ли днем позже, Муред. Слишком я умаялась. И сколько я здесь, не знаю тоже. Пожалуй, не очень долго. А тебя уже довольно давно похоронили, Муред, ты права. Четыре года минет на эту Пасху. Я как раз разбрасывала для Патрика чуток навоза на Глубоком поле, и тут подбегает ко мне маленькая дочка Томашина и говорит: “Муред Френшис при смерти”. Тогда, хочешь верь, хочешь нет, Кать Меньшая была уже в дверях, а я только до гумна добежала! Ты только что отошла. Я сама закрыла тебе глаза, Муред, вот этими большими пальцами. Мы с Кать Меньшой обрядили тебя, покойницу. И когда обрядили, то все сказали, что смотрелась ты прелестно. Ни у кого не было поводов ворчать. Каждый, кто тебя видел, говорил, какая прекрасная из тебя покойница получилась. Перышко к перышку. Ты лежала вся такая чистая и опрятная, словно тебя на доске отутюжили...

... Я не так долго и протянула, Муред. Почки у меня болели уже давно, закупорились. Страшная боль в них началась пять или шесть недель назад. Вдобавок ко всему я еще и простуду подхватила. Боль пошла выше, в желудок, а оттуда еще дальше, в грудь. Я и продержалась-то всего неделю. Но возраст у меня не такой большой, Муред, – всего семьдесят один. Только жизнь моя всегда была трудная. Один Бог знает, какая она была тяжелая, и все знаки ее на мне видны. Если уж прикладывало, то прикладывало крепко. Никакой воли против этого у меня уже не осталось...

Можно и так сказать, Муред. Эта грязнуха с Паршивого Поля мне ни чуточки не помогла. Что за порча напала на моего Патрика, что в один прекрасный день он взял да на ней женился?.. Благослови тебя Бог, Муред, сердце мое, ты и половины всего этого не знаешь, потому что я никогда и словом не обмолвилась. Три долгих месяца прошло, а она палец о палец не ударила... Еще один дитенок. Она едва выкарабкалась. Думаю, следующий ее доконает. Там целый выводок ребятишек, и умом-то все одинаковые, – кроме, разве, старшенькой, Майринь, но она-то в школе каждый день. А я-то сама все хлопотала: то их помыть, то удержать, чтобы не лезли в огонь, то сготовить что-нибудь поесть, – из кожи вон лезла...

... Что правда, то правда, Муред. Нет у Патрика никакого хозяйства с тех пор, как я ушла. И не будет – с такой-то бестолочью. Надо же, и хозяйство-то содержать не по силам ей. Что ж это за женщина, если она через день в постели... Ой, и не говори, сестрица!.. Жалко-то как и Патрика, и ребятишек...

Я ведь все же приготовила, Муред: саван, накидку со скапулярием и все прочее... Клянусь спасением души, Муред, что вокруг меня было восемь свечей в доме Божиим, истинный крест... Лучший гроб у Тайга для меня купили. Обошелся он почти в пятнадцать фунтов, вот

⁸ Обылд кантри — здесь: в родных краях (искаж. англ., ирон.).

что я скажу... И не две на нем пластины, а целых три, и можно подумать, будто каждая – большое зеркало в гостиной у священника, ну вот каждая...

Патрик сказал, что он поставит надо мной крест из Островного мрамора, точно такой же, как над Пядаром Трактирщиком, а на кресте надпись по-ирландски: “Катрина, супруга Шона О’Лиданя”... Он сам так сказал, ни словом не совру. Ты не думай, что я его уговаривала, – я бы его и просить побоялась, Муред... И еще он сказал, что устроит лужайку вокруг могилы, вроде той, круглой, как у Джуан Лавочницы, и посадит на ней цветы – чтоб я еще помнила, как они, проклятые, называются, – как те, что были на черном платье у Учительши, когда Старый Учитель помер... “Уж это-то мы не забудем для тебя сделать, – сказал Патрик, – после трудов твоих тяжких на нас всю жизнь”...

Но ты скажи мне, Муред, что же у меня за участок?.. Клянусь спасением души, ты права, это Участок За Пятнадцать Шиллингов... Вот, Муред, теперь в глубине души ты и сама понимаешь, что я не ждала, будто меня похоронят на участке ценою в фунт. Если б они меня там похоронили, тут уж никуда не денешься, но вот насчет того, чтобы самой просить...

Нель, да?.. Господи, да я ее чуть вперед себя в землю не загнала. Проживи я только чуточку подольше, так бы и сделала... С ее сыном Пядаром случилось несчастье, это сильно ее потрясло. Грузовик его сбил недалеко от Пляжа год или полтора тому назад, бедро ему раздавило в кашу. В госпитале даже не знали, выживет он или помрет...

О, да ты об этом уже слышала, Муред... Бедняга полгода пластом пролежал, сестрица... Ну и ни черта путного он уже не делал с тех пор, как вернулся домой, а все ковылял по округе на костылях. Все уж думали, что он совсем пропащий...

От детей ему никакой подмоги, Муред, кроме, пожалуй, от старшего. Только он такая сволочь... А с чего бы ему быть другим. В деда пошел, в тезку своего, Бриана Старшего, гнусного мерзавца. Не говоря уже про его бабулечку Нель. У Нель семья ни одной весны в поле толком не работала за последние два года, что уж тут говорить... Это увечье сильно на них сказалось – и на Нель, и на Мэг, дочери Бриана Старшего. Так ей и надо, лахудре. У нас в этом году урожай картошки в три раза больше, чем у нее...

О! Да Бог с тобой, Муред Френчис! Дорога ему, надо полагать, узковата да коротковата показалась, чтобы убраться у грузовика с пути... Сына Нель вытолкали в шею, Муред. Его Честь говорит: “Да я тебе помойного ведра не присужу”... Хоть и вызвал он шофера грузовика на заседание, только судья вовсе не позволил сыну Нель рта раскрыть. Вскоре его отправили в Дублин, в Верховный суд, только и это ему мало помогло... Манус Законник сказал мне, что Нель с семьей не получают и ломаного гроша. “А с чего бы, – говорит он. – Не на той стороне дороги”... Твоя правда, Муред. Вытрясет Закон из Нель последнюю денежку. Так ей и надо. Будет знать, как бесперечь прохаживаться мимо нашего дома и распевать при этом “Душа моя Элеонора”⁹...

Джек, бедняжка, тоже неважно себя чувствует, Муред. Конечно, Нель-то никогда о нем не заботилась, да и дочка Бриана Старшего тоже, с тех пор как пришла к ним в дом. Разве Нель мне не родная сестра, кому и знать, как не мне? Она никогда не уделяла бедному Джеку ни малейшего внимания, ничуть. Роднее себя для нее никогда никого не было. Ей всегда было плевать на всех, кроме себя... Истинную правду тебе говорю: очень тяжкая у Джека жизнь из-за этой гадины... Томас Внутрях все такой же, каким ты его помнишь... Вечно сидит в своей лачуге. Но в один прекрасный день она ему рухнет на голову... Ну правда, разве мой Патрик не предлагал пойти настелить ему немного соломы на кровлю? “Вот еще, Патрик, – говорю. –

⁹ Широко известная ирландская любовная песня XVIII века, распространенная во множестве вариантов по всей стране. Ее коннахтский вариант приписывается сочинителю Кэролу О’Дейли. В собрании песен, изданных Шоном О’Дейли в 1849 году, упоминается восторженная оценка, которую дал этой песне Георг Фридрих Гендель, немецкий и английский композитор эпохи барокко. Гендель отметил, что она превосходит многие баллады, написанные им самим.

Что тебе унижаться и ходить стелить солому? Пусть Нель сама перекроет ему крышу, если ей так угодно. Вот пойдет она ему солому стелить, так и мы тоже отправимся...”

“Да с тех пор как у Пядара изувечена нога, Нель нет дела ни до людей, ни до их бед”, – сказал Патрик.

“До себя зато каждому есть дело, – говорю я. – Чтоб крыть соломой собственную крышу. А мне нет никакого дела до этого старого хрыча Томаса Внутряха”.

“Но ведь дом на него обвалится”, – говорит он.

“Так тому и быть, – говорю. – У Нель полно дел и без того, чтобы носиться с этим Томасом Внутряхом. Подумай, Патрик, красавец мой, – говорю, – Томас Внутрях-то, он же как есть крыса с тонущего корабля. Он же к нам домой побежит, как только у него крыша от дождя протечет”...

Нора Шонинь, да?.. Я бы удивилась, кабы здесь проведала о ней что-то новое. Я и так знаю гораздо больше, чем нужно, – и о ней самой, и о любом из ее рода-племени, Муред... Служит Учителя каждый божий день... Бедный Старый Учитель... Старый Учитель читает Норе Шонинь! Норе Шонинь! Божечки. Совсем Старый Учитель себя уважать перестал, если читает Норе Шонинь... Ну разумеется. У нее же в голове ни слова ученья не осталось. Да и откуда ему взяться-то у женщины, которая в жизни ни разу не переступала порога школы, кроме как в день голосования... Клянусь душой, мир совсем чудной стал, если Учитель ведет беседы с Норой Шонинь... Что говоришь, Муред? Что он ею очень доволен? Да он не знает, кто она такая, Муред... Проживи ее дочь с ним в одном доме шестнадцать лет, как со мной, уж он бы знал, кто она такая. Ну уж я ему расскажу... И про моряка, и про все прочее...

– ...“У сына Шона дочь была, здоровая, как мужик”.

– ...Пятью восемь – сорок; пятью девять – сорок пять; пятью десять... не помню, Учитель.

– ...“Пошел на ярмарку с утра искать себе жену”.

– ...У меня было двадцать, и я пошел с туза червей. Взял короля у твоего партнера. Мрухинь покрыл валетом, но у меня была девятка, а вот партнеру моему играть было нечем.

– У меня была королева, и я отбивался.

– Мрухинь собирался пойти с пятерки пик и побил бы твою девятку. Разве нет, Мрухинь?

– А потом дом разнесло миной¹⁰...

– Но игра все равно была наша.

– Не знаю, что там ваше. А вот если б не мина...

– ...Спаси нас, Господи, на веки вечные.

– ...Кобылка с белым пятном на лбу. Вот уж была хороша.

– ...Ни слова не могу расслышать, Муред. О, Сыне Бога Милосердного! “Кобылка с белым пятном”. Да чтоб вы сами пятнами покрылись, если не прекратите о ней говорить...

– Я сражался за Ирландскую Республику...

– Да кто ж тебя просил...

– ...А он меня зарезал...

– ...Ну и ладно, жаль только, что язык не отрезал. Чтоб вы облезли оба налысо! Они меня сводят с ума с тех самых пор, как я попала на кладбище. Ох, Муред! Вот бы найти нам

¹⁰ Взрыв немецкой мины, которую прибило к берегам Коннемары в июне 1917 года, привел к гибели девятерых местных жителей и долгие годы был темой оживленных разговоров. Впоследствии «взрывом мины» в этих районах часто называли вообще любые взрывы.

укромный уголок! Наверху-то, если тебе не нравится компания, ты волен оставить ее и пойти куда угодно. Но – увы и ах – никогда не покинут мертвые своего места в грязи кладбищенской.

3

... И меня похоронили на Участке За Пятнадцать Шиллингов. После всех моих предупреждений. Да Нель небось до ушей ухмыляется! Себе-то уж точно теперь заметила Участок За Фунт. Ничуть не удивлюсь, если это она подговорила Патрика положить меня в могилу За Пятнадцать Шиллингов вместо той, что За Фунт. Она и близко не подходила к нашему дому, пока знала, что я жива. Ноги ее не было на нашем пороге с тех пор, как я вышла замуж... Если только она не прокралась без моего ведома, когда я была при смерти...

Но Патрик простофиля, поддался на ее уговоры, а Патрикова жена с ней заодно. “Видит Бог, дорогая Нель, твоя правда. Участок За Пятнадцать Шиллингов кому хочешь согдится. Мы ж не лорды какие...” Участок За Пятнадцать Шиллингов кому хочешь согдится. Так она скажет. Господи, да что ей еще сказать? Дочь Норы Шонинь. Еще доберусь до нее. Она обязательно окажется здесь после следующих же родов. Доберусь я до нее, как Бог свят. Но еще я поквитаюсь с ее матерью. С самой Норой Шонинь поквитаюсь, пока суд да дело.

Нора Шонинь. С Паршивого Поля. С Паршивого Поля, где лужи. Мы вечно слышали, что там уток доят. Ишь ты какая любознательная! Учится у Старого Учителя. Право слово, самое время начинать, самое время! Да с ней ни один школьный учитель нигде на белом свете не стал бы говорить, кроме как на погосте. Да и этот не станет, если только узнает, кто она...

Ее дочь спровадила меня сюда на двадцать лет раньше срока. Полгода я мучилась, приглядывая за ее паршивыми ребятишками. Когда у ней дите – она болеет, когда нет – тоже болеет. Еще один сведет ее в могилу, сведет как пить дать. Бедняжке Патрику лучше было бы обойтись без нее. Но ведь он такой сын, упертый.

“Мне не останется ничего другого, мама, – говорил он. – Кроме как уехать в Америку и к чертовой бабушке бросить это место, раз у тебя к ней душа не лежит”...

Это было в тот раз, когда Баб приехала домой с Америки. Уж она и по-хорошему и по-плохому просила, чтоб он женился на Мэг, дочери Бриана Старшего. Так уж ее заботила эта никчемная уродина, дочь Бриана.

“Она так хорошо заботилась обо мне в Америке, – говорила Баб, – когда я занедужила тяжело – вдали от всех своих родичей. Мэг девушка славная, сметливая, и у нее есть кое-какие свои сбережения, кроме того, что я за ней дам. Я к тебе, Катрина, привязана больше, чем к любой другой сестре, и предпочла бы оставить деньги в твоём доме, чем у кого-то еще из близких. Мне было бы в радость видеть, как твой сын Патрик встает на ноги”.

“Теперь тяни свой жребий, Патрик, – сказала она. – Выбор за тобой. Я тороплюсь обратно в Америку, но не уеду, пока не увижу, что Мэг, дочь Бриана, здесь устроена, раз уж там у нее жизнь не складывается. Женись на ней, Патрик. Возьми в жены дочь Бриана Старшего, и я вас в нужде не оставлю. У меня есть больше, чем я успею потратить. Девушка уже просватана сыном Нель. Нель недавно сама со мной о ней говорила. И Мэг выйдет замуж за ее сына, если ты на ней не женишься, Патрик. Или так, или женись по своему выбору, но если женишься...”

“Да я скорее пойду милостыню просить, – сказал Патрик. – Не женюсь я ни на ком из тех, кто дышит воздухом на этой земле, кроме дочери Шонинь с Паршивого Поля...”

Женился.

Мне самой пришлось надевать на нее рубашку. У нее не было даже денег на свадьбу, о приданом я даже не упоминаю. Приданое от сборища грязных босых оборванцев! Приданое с Паршивого Поля, где лужи и где уток доят... Он на ней женился, и она с тех самых пор при нем неотступно, как смертная тень. Ей ни свинью, ни теленка, ни курицу, ни гуся вырастить не по силенкам, ни даже тех самых уток, о которых ей все известно с Паршивого Поля. Дом у нее

грязный. Дети у нее грязные. И трудиться она не умеет ни в поле, ни на берегу¹¹. В доме все было пристойно, пока она туда не пришла. Я содержала его в чистоте и достатке. Не бывало в году субботнего вечера, чтобы я не мыла каждую табуретку, стул и стол в проточной воде. Я пряла и чесала шерсть. Были у меня пряжа и холст. Я держала свиней, телят и птицу, пока у меня хватало сил на все это. А когда не хватало, я стыдила дочь Норы Шонинь как следует, чтобы она не сидела сложа руки...

И во что же этот дом без меня превратится... Наша милая Нель будет довольна, как ни крути... Ей все удалось. У нее есть прекрасная работница – испечь, спрясть, подмести пол: Мэг. Легко ей теперь насмеяться над моим дурачком сыном, у которого никого больше нет, кроме этой транжиры и неряхи. И то и дело она будет расхаживать по нашему дому и говорить:

“Представь себе, мы выручили тридцать фунтов за свиней... Отличная была ярмарка для тех, у кого есть скотина. Мы получили шестнадцать фунтов за двух телят... Хоть куры сейчас и не несутся, наша Мэг всегда знает, как выкрутиться. В воскресенье она отвезла восемь десятков яиц в Яркий город¹². В этом году у нас четыре выводка цыплят. Куры несут вдвое больше яиц. Вчера еще один выводок проклюнулся. Когда Джек увидел, как я перекладываю цыплят, то сказал, что они будто овес – и цветом, и числом...”

Пусть у нее свербит и чешется, когда она будет ходить по нашему дому. Нель! Гадина! Она мне сестра, но пусть ни одного покойника не окажется на кладбище вперед нее.

¹¹ Работа на берегу («на пляже») включала в себя сбор съедобных моллюсков, а также водорослей для последующего удобрения полей. Такую работу часто выполняли женщины.

¹² Яркий город – обиходное название города Голуэй (Gealachathair): «яркий», «модный город». Мартин О Кайнь активно популяризировал это название, в дальнейшем его употребляли и другие ирландские писатели.

4

– ...Я сражался за Ирландскую Республику, а ты обрек меня на смерть, предатель. Ты дрался на стороне Англии: сражаться за Фристейт¹³ – то же самое... Ружье у тебя в руке было английское, деньги в кармане – английские, и в сердце твоём – дух Англии. Продал ты свою душу и наследие предков за “сходные условия”, ради службы...

– Лжешь! Ты сам был преступник, пошел против законного правительства...

– ...Клянусь дубом этого гроба, Муред, я дала ей фунт, Катрине...

– ...Я выпил дважды по двадцать пинт да еще две...

– ...Я это хорошо помню, Проглот, в тот день я как раз вывихнул лодыжку...

– ...Ты вонзил мне нож между желудком и нижними ребрами. Он мне печень проткнул с краю. Потом ты повернул его... Такой подлый удар всегда отличал Одноухих...

– ...Дайте мне сказать, дайте...

– ...Готова ли ты теперь к часу чтения, Нора Шонинь? Сегодня мы возьмемся за новый рассказ. В прошлый раз мы закончили “Двое мужчин и облако пудры”, верно? Эта же история называется “Пламенный поцелуй”. Так слушай, Нора Шонинь: “Нуала была невинной юной девушкой, пока не встретила Шерласа Ап Риса в ночном клубе...” Знаю-знаю. Не найти здесь ни уединения, ни возможности побеседовать о культуре... Как ты и сказала, Нора, обсуждают здесь прежде всего вещи мелкие и недостойные: карты, лошади, выпивка, насилие... Он терзает наш разум этой своей кобылкой каждый божий день... Ты права, Нора, без сомнения... Здесь нет никаких условий для того, кто жаждет развивать свой интеллект... И то, что ты сказала, – чистая правда, Нора... Это место столь же некультурное, столь же дремучее и варварское, как бесплодные земли¹⁴ Участков За Полгинеи... Мы погрязли в Темных веках с тех самых пор, как санкюлоты, что наскребли денег на *dole*¹⁵, стали хоронить на Участках за Пятнадцать Шиллингов... Вот как я поделил бы это кладбище, Нора, если бы мне разрешили поступить по-своему: люди университетского сословия – на Участках за Фунт, а люди... Разве не так, Нора? Форменный стыд и позор, что кое-кто из моих учеников лежит здесь со мной рядом... Меня повергает в уныние, до какой степени они невежественны, когда я размышляю о том, сколько усилий я на них потратил. И временами они весьма неуважительны со мной. Я вообще не понимаю, что происходит с молодым поколением... Ты права, Нора... Никаких возможностей для культурного роста, определенно...

“Нуала была невинной юной девушкой, пока не встретила Шерласа Ап Риса в ночном клубе...” Ночной клуб, Нора?.. А, ты никогда не была в ночном клубе? Что ж, ночной клуб не похож на это место... Да нет же, Нора, ночные клубы – это не то же самое, что места, которые посещают люди морского сословия. Те называются *dives*¹⁶. Но люди культурные ходят в ночные клубы... Тебе хотелось бы нанести визит в подобное место, Нора?.. Было б вовсе недурно, это придало бы твоему образованию финальный штрих – немного лоска, *cachet*¹⁷... Я сам был в одном ночном клубе в Лондоне – когда учителям повысили жалованье, перед тем как его в

¹³ Фристейт (от *англ.* Free State) – Ирландское Свободное государство, английский доминион, созданный 6 декабря 1922 года в соответствии с Англо-ирландским договором после окончания Войны за независимость. Два дня спустя Северная Ирландия вышла из состава Ирландского Свободного государства, оставаясь в составе Великобритании. Противоречия между сторонниками Фристейта и республиканцами, не признавшими договор и статус британского доминиона, привели к гражданской войне 1922–1923 годов. Война завершилась победой сторонников Фристейта, а в 1937-м, после принятия новой Конституции, началось преобразование доминиона в Республику Ирландия.

¹⁴ *Здесь*: вероятно, отсылка к поэме английского поэта Томаса Элиота «Бесплодная земля» (*англ.* «The Waste Land»), главному произведению модернистской поэзии, повествующему об осмыслении разочарования и отчаяния.

¹⁵ *Dole* – пособие, государственная помощь по безработице (*англ.*).

¹⁶ *Dives* – притоны, кабаки (*англ.*).

¹⁷ *Cachet* – печать, отпечаток, от *фр.* “отличительный знак”.

два раза понизить. Я видел там африканского царевича. Он был черный, как черника, и пил шампанское... Тебе бы очень хотелось пойти в ночной клуб, Нора? Экая ты распушенная ... *Naughty girl*¹⁸, Нора, *naughty*...

– Бесстыжая баба! Дочь Шона Малиновки с Паршивого Поля! Куда она там, сказала, хочет пойти, Учитель?.. Ремесла-то своего не растеряла, да! Вы бы лучше не обращали на нее никакого внимания, дорогой Учитель, вот что я скажу. Знай вы ее столько, сколько я, держали бы при ней рот на замке. Я шестнадцать лет варюсь с ее дочкой и с ней. Не пристало вам, Учитель, тратить время на Нору Грязные Ноги. Она ни единого дня не была в школе, Учитель, и больше понимает во вшах, чем в азбуке...

– Это кто? Кто ты?.. Катрина Падинь. Поверю ли, что ты здесь, Катрина. Что ж... Как бы ни был долог путь сюда, в конце концов – пристанище для всех нас... Добро пожаловать, Катрина, добро пожаловать... Но, опасаясь, Катрина, что ты... Как бы это сказать?.. Немного чересчур строга к Норе Грязные Ноги... То есть к Норе Шонинь... Ее разум значительно окреп с тех пор, как ты... Что за выражение ты использовала, Катрина?.. Да... Варилась с ней... Нам здесь нелегко отмерять время, но, если я тебя правильно понял, она тут уже три года – под благотворным влиянием культуры... Но послушай вот что, Катрина... Ты помнишь письмо, которое я написал тебе для твоей сестры Баб в Америке... Это было последнее из написанных мной. На следующий день меня сразил смертельный недуг... Ее завещание все еще обсуждается?

– Я получила множество писем от Баб с тех пор, как вы для меня писали, Учитель. Но она никогда не подтверждала и не отрицала ничего касаемо денег. Мы получили от нее ответ на то письмо, о котором вы говорите, Учитель. Это был последний раз, когда она упоминала свое завещание. “Я пока еще не составляла завещания, – сообщала она. – Надеюсь, мне не суждена ни внезапная кончина, ни смерть от несчастного случая, как вы напридумывали в своем письме. Не беспокойтесь, я отдам распоряжения вовремя, когда у меня будет в том нужда”.

И вот что я сказала, когда оно пришло: “Наверное, какой-нибудь школьный учитель написал для нее это письмо. Никто из наших таким языком не говорит”. Молодой Учитель – он ваш преемник – пишет для нас сейчас письма. Но боюсь, что для Нель пишет священник. Эта ведьма умеет задурить ему голову своими цыплятами, вязаными носками и взять голыми руками. Она из тех, кто в таких делах хорош, Учитель. Я-то думала, что проживу еще пару лет и успею похоронить эту заразу. Вы сделали для меня все, что могли, насчет завещания, Учитель. У вас рука к перу приспособлена. Я часто смотрела, как вы пишете письмо, и думала, что вы пером можете так же ловко и проворно увязывать слова на бумаге, как я – стежки во время штопки ... “Да смилуется Бог над душой Старого Учителя, – говаривала я. – Он был такой предупредительный. Дай ему Бог жизни подольше, он бы вытянул для меня деньги...”

Думаю, скоро Учителяша, – я имею в виду, ваша жена, Учитель, – снова наладит свой быт. У нее все сложится. Женщина она еще молодая, крепкая, храни ее Господь... Ох, простите великодушно, Учитель, не принимайте близко к сердцу все, что я говорю. Я часто болтаю так, про себя, – ну конечно, человеку самому с собой не сладить... Учитель, дорогой, не должна я была вам всего этого говорить. Вы станете волноваться за нее. Я подумала, Учитель, что у вас сердечко затрепещет при вести, что Учителяша жизнь свою обустроивает...

Вы уж на меня зла не держите, Учитель... Я не сплетница... И не просите меня назвать того человека, Учитель... Да ну, Учитель, дорогой, не упрашивайте... Если б я только знала, что вы из-за этого уж так расстроитесь, я бы и слова не сказала...

Так, значит, она клялась и обещала, что после вашей смерти ни за кого не выйдет замуж? Учитель, дорогой, вы разве не слышали никогда такое: после клятвы женщины лучше всего...

¹⁸ *Naughty girl* – дрянная, непослушная девочка (англ.).

Не успело еще ваше тело остыть, Учитель, как она уже положила глаз на другого мужчину. Думаю, Учитель, – строго между нами, – что она всегда была малость веселого нрава...

Молодой Учитель... Да ну, нет, конечно, это не он... Учитель из Озерной Рощи? Он мужчина положительный и капли в рот не возьмет. Этот скоро женится на Сестре Приходского Священника. Маленькая такая, темненькая, невзрачная, которая носит брюки. Говорят, он тогда новую школу получит... Да нет, и, конечно, не Рыжий Полицейский. У него целая стая медсестер на крючке в Ярком городе, по слухам... Да нет, и не Картофельный Мужик¹⁹ тоже... Попробуйте угадать еще раз, Учитель. Я вам дам попыток сколько хотите... Падинь уехал в Англию, Учитель. Грузовик у него забрали и продали. Ни одной дороги не осталось, где бы он не ездил, скупая торф, и где бы не оставил по себе ручеек долгов... Гадайте дальше, Учитель... А вот это точно, он самый и есть, Учитель, Билли Почтальон! Славно вы потрудились, чтоб его угадать. Все же у вас очень светлая голова, Учитель, что бы там люди ни говорили... Берегитесь Норы Шонинь. Я бы вам еще кое-что рассказала, Учитель... Ой, да забудьте вы про все про это, Учитель, и не расстраивайтесь так... Дьявол меня побери, если вы не правы, Учитель. Билли Почтальон по домам не только письма разносил... Ох, Учитель, да она всегда была слегка веселого нрава, супружница ваша...

¹⁹ Картофельный Мужик – здесь: уполномоченный Ирландской правительственной комиссии по распределению посевного картофеля в бедных поселках.

5

– ...Их послали туда как полномочных представителей, чтобы заключить мирный договор между Ирландией и Англией...

– А я тебе говорю, это гнусная ложь. Их туда послали только как делегатов, а они превысили свои полномочия и совершили предательство, и отметины его по сей день несет на себе страна...

– Кобылка с белым пятном. Вот уж была хороша. Ей ничего не стоило свезти и тонну, и полторы...

– ...Клянусь дубом этого гроба, Нора Шонинь, я дала ей фунт, Катрине...

– ...“У сына Шона дочь была, здоровая, как мужик.
Стояла как-то на холме...”

– ...Да провались они к дьяволу – и Англия твоя, и эти ее рынки. Тебя всего-то и беспокоит пара пенсов в банке. Обожаю Гитлера!..

– ...Вот что, Колли, я писатель. Я прочел полсотни книг на каждую, что ты прочел. И я найду на тебя управу, – по закону, Колли, – если ты полагаешь, что я не писатель. Ты читал мою последнюю книгу “Видение медузы”?.. Не читал ты ее, Колли... Прости, Колли. Прости, пожалуйста. Я и забыл, что ты не умеешь читать... Это очень сильная вещь, Колли... А еще у меня было три с половиной романа, две с половиной пьесы и девять с половиной переводов в “Проекте”²⁰ и вдобавок рассказ с половиной “Закат солнца”. И я никак не пойму, почему “Закат солнца” так и не опубликовали до того, как я умер...

Если ты собираешься заняться сочинительством, Колли, то помни, что на “Проекте” лежит строгий гейс²¹ публиковать что-либо такое, что дочь стала бы прятать от своего отца... Прости, пожалуйста, Колли. Мне очень жаль. Я думал, что ты мечтаешь начать писать. Но на всякий случай, если тебя посетит это божественное желание... Нет ни одного ирландскоговорящего, кого бы оно не посещало хоть раз в его жизни... Говорят, что этому виной стихии западного побережья... Я дам тебе кое-какие советы... Сейчас, Колли, имей терпение... Это моральный долг каждого ирландскоговорящего – обнаружить в себе талант к писательству, в особенности к сочинению рассказов, пьес и поэзии... Два последних обычно более распространены, чем талант писать рассказы, Колли. Возьмем, к примеру, поэзию. Нужно-то всего ничего: начать писать на странице снизу вверх... Еще, конечно, можно начать писать справа налево, но это вовсе не так поэтично, как первый способ...

Прости меня, Колли. Я очень сожалею. Я и забыл, что ты не умеешь ни читать, ни писать... Но рассказы, Колли... Я объясню это так... Тебе случалось выпить пинту портера, верно?.. Да, понимаю. Тебе частенько доводилось пить портер... Впрочем, не так уж важно, сколько ты выпьешь, Колли...

– Мне довелось выпить дважды по двадцать да еще две пинты одну за другой...

– Понимаю... погоди минуту... Молодец! Дай скажу... Колли, есть у тебя хоть капля разума, дай скажу... Ты когда-нибудь видал макушку у пинты пива? Там пена, да? Дрянная, бесполезная пена. И все-таки чем ее больше, тем жаднее человек дорывается до пинты, а когда

²⁰ «An Gúm» (ирл. «проект», «схема») – государственная программа публикаций, ирландское государственное книжное издательство в Дублине, выпускающее словари, публицистику и литературу для учебных заведений на ирландском языке. Многие ирландскоязычные писатели, включая автора, подрабатывали в нем переводами и публикациями, однако подобная работа мало что говорила об уровне писателя, поэтому такое сотрудничество не воспринимали всерьез.

²¹ Гейс – в древнеирландских легендах волшебный запрет-заклятие, налагаемое друидами на героя или правителя и определенным образом ограничивающее их действия. Нарушение гейса неминуемо влекло за собой позор, а часто и гибель.

дорвется, то пьет ее до конца, вместе с осадком, хоть и чувствует посторонний привкус. Вот теперь ты видишь, Колли, что такое начало, середина и конец рассказа?.. Главное, не забудь, Колли, что конец должен оставлять горький привкус во рту, вкус священного напитка, желание похитить огонь у богов и отведать еще кусочек запретного плода... А теперь взгляни, как я бы закончил рассказ “Перезакат солнца”, – тот, над которым я работал, как раз когда внезапно скончался от приступа в судорогах сочинительства: “И едва только девушка произнесла это роковое слово, он развернулся и вышел прочь из душевной комнаты на свежий вечерний воздух. В небе было черно от плотных облаков, надвигавшихся из-за моря. Мелкое пристыженное солнце вгрызалось в землю за холмами Старого Села...” Вот здесь *tour de force*²², Колли: “мелкое пристыженное солнце вгрызалось в землю”. И конечно, мне не стоит лишний раз напоминать тебе, что финальная строчка после завершающего слова должна быть обильно насыщена многоточиями, авторскими многоточиями, как я их называю... Но, может, ты проявишь немного терпения, Колли, и послушаешь – я прочту тебе весь рассказ...

– Погоди немного, мил-человек, теперь я тебе расскажу историю: “Давным-давно жили-были три мужика...”

– Колли! Колли! Ну нет же никакого искусства в этих словах – “давным-давно жили-были три мужика”. Это избитое начало... Вот что, Колли, потерпи минуточку и дай мне сказать. Я полагаю, что я писатель...

– Закрой пасть, пузатый горлопан! Рассказывай, Колли...

– Давным-давно жили-были три мужика, и очень давно это было. Жили-были три мужика давно...

– Давай, Колли, давай...

– Жили-были три мужика давным-давно... Ну правда, жили-были три мужика давным-давно. А дальше я не знаю, что с ними случилось...

– ...“«Клянусь я Книгой²³, Джек Мужик»”...

– ...Пятью одиннадцать – пятьдесят пять; пятью тринадцать... пятью тринадцать... Это мы и не учили вовсе... А дальше, наверное, Учитель, я и не знаю!.. Пятью семь... Вы меня про это спрашивали, Учитель? Пять на семь, да? Пять на семь... на семь... Погодите маленечко... Пятью один – пять...

²² *Tour de force* – здесь: эффектный оборот, мастерский ход (*фр.*).

²³ Книга – имеется в виду Священное Писание, Библия.

6

– ...Только я не понимаю, Муред. Честной двигарь²⁴, не понимаю. Она поносила меня – Катрина Падинь, я имею в виду, – грязным словами перед Старым Учителем. За что же, я ведь ей ничего не сделала? Тебе известно, Муред, что я никогда не сую носа в чужие дела, а всегда занята культурой. И крест надо мной такой видный, *смашин*²⁵, как Учитель говорит. И меня оскорблять, Муред!..

– Самое время тебе, Нора Шонинь, хорошенько поупражняться в том же языке, что у Катрины.

– Ну *оныст*²⁶, Муред...

– ...“Словно угорь из садка, так Катрина ловка
Цапнуть за волосы Нору Шонинь...”

– Но она всегда ко мне придирается. Не понимаю я. *Оныст*...

– ...“Чуть забрезжит с утра, Нору Шонинь быстра
Так Катрина кромсать, словно рыбу...”
“«Моя дочка мила и за Патрика шла
Вам хибару украсить приданым»...”
“«Ты, Катрина, горда, в тебе нету стыда,
Ты всегда меня рвешься позорить»...”

– ...И она все врет, Муред! *Оныст ту Год!*²⁷ Как ты думаешь, что она говорила Доти... Доти, а, Доти!.. Что Катрина Падинь тебе говорила про меня...

– Сохрани и спаси нас, Господи, на веки вечные. Да я вовсе не знаю, кто вы такие. Экая жалость, что они не отнесли мои бранные останки на восток от Яркого города и не положили меня в землю на Дивных Лугах Восточного Голуэя, у храма Бреннана, вместе с моими предками...

– Доти! Я тебе уже говорила, что такие речи – это “вздорные сантименты”. Что сказала Катрина?..

– Самые гнусные ее речи из тех, что я слыхала, были про ее собственную сестру Нель. “Пусть вперед нее ни один покойник в кладбищенскую землю не ляжет!” Так она и сказала. Вы никогда не услышите подобных речей на Дивных Лугах.

– Доти! А что же обо мне...

– О твоей дочери.

– ...“«Ни плаща, ни рубашки к свадьбе у замарашки,
Я платила за все из кармана»...”

– Она говорила, что вы все из рода Грязные Ноги и что всех вас обсели вши...

²⁴ Честной двигарь (двигатель), *искаж. англ. honest engine* – исковерканное ирландцами американское выражение «честный дикарь» (*англ. honest injun*), перенятое ими от сородичей, побывавших в Америке. Точный его смысл в Ирландии понять не могли, поскольку никогда не видели дикарей – индейцев, но использовали в качестве восклицания.

²⁵ Смашин – здесь: потрясающий (*искаж. англ.*).

²⁶ Оныст – здесь: честно (*искаж. англ.*).

²⁷ Оныст ту Год – как перед Богом клянусь (*искаж. англ.*).

– Доти, *де грясь*²⁸...

– И что, бывало, моряки...

– *Parlez-vous français, Madame, Mademoiselle...*

– *Оревуарь! Оревуарь!*²⁹

– *Mais c'est splendide. Je ne savais pas qu'il y avait une...*

– *Оревуарь*. Честно, Муред, если бы Доти меня не знала, она могла бы всему этому поверить.

... Доти, это опять “сантименты”. Ты мой верный спутник в плавании по бескрайнему морю культуры, Доти. И ты должна суметь избавиться от всех предубеждений и выкинуть из головы всякое пристрастное суждение, точно как сказал Кликс в рассказе “Двое мужчин и облако пудры”...

– ...Это Поэт сочинил, думается...

– О, тот самый мерзавец...

– Да нет, конечно, не он. Куда ему. А вот Большой Микиль Мак Конноли сказал так:

“О старенькой янки радела Баб Падинь,
И в Мэне³⁰ достойней ее не сыскать...”

– *Оньист*, Муред, я уже забыла про Катрину Падинь и про все ее соображения на наш счет. Культура, Муред, она возносит разум к сияющим вершинам и открывает взору чудесные дворцы, где собрана протоплазма цвета и звука, как сказал Ниббс в “Локонах заката”. И тебе не интересны больше ничтожные пустяки тоскливой жизни. Последнее время мой разум погружен в великолепный хаос, какой повлекла за собой лавина культуры...

– ...“И в Мэне достойней ее не сыскать.

Вернулась в шелках и с большими деньгами:

Старуха решила их ей завещать...”

– ...Баб Падинь так и не вышла замуж, потому что присматривала за старой седой каргой, с тех пор как приехала в Америку. И что бы вы думали: старая карга оставила ей все свои деньги, – ну или почти все, – когда умирала... Баб Падинь могла б засыпать каждую могилу на этом кладбище золотыми гинейями, – ну или, во всяком случае, такая о ней ходила молва, Доти.

– ...Колли сам сочинил эту галиматью. Кто же еще.

“«Ой, милая Баб», – замурчал кот Катрины.

«Не слушай ее», – промяукал кот Нель.

«Мне б золото взять», – промурчал кот Катрины.

«А тут все мое», – промяукал кот Нель...”

– Катрина бы тысячу лет жизни отдала за то, чтобы вычеркнуть Нель из завещания Баб...

– «Карман мой хорош», – промурчал кот Катрины.

«Мой тоже неплох», – промяукал кот Нель.

«Для денежек ведьмы», – сказал кот Катрины.

«Вас нет в завещанье», – ответил кот Нель...”

²⁸ Де грясь – помилосердствуйте (*искаж. фр.*).

²⁹ Оревуарь – до свидания (*искаж. фр.*).

³⁰ Имеется в виду штат Мэн.

- И всякого учителя в округе она годами принуждала писать за нее в Америку.
- И Мануса Законника...
- Старый Учитель говорил мне, что составлял для нее очень культурные письма. Он подцепил много американских слов из кино...
- Это когда возил молодую Учительшу в Яркий город на моторе...
- Больше всего грызет Катрину то, что она умерла раньше Нель. Я часто слышала, как она шла по дороге и бурчала себе под нос: “Спроважу Нель прежде себя в грязь кладбищенскую”...
- ...Скажи правду, Колли, это ведь ты написал эту галиматью?
- Большой Микиль Мак Конноли написал. А еще он написал “Песню Катрины” и “Песню...”
- ...Но Нель-то по-прежнему жива. Она теперь и получит все по завещанию Баб. У нее не осталось ни братьев, ни сестер, одна она...
- Я бы не была так уверена, Муред. Баб была очень привязана к Катрине...
- А знаете, что мой старшой говаривал про семью Падинь? “Вертопрахи” – вот что он говорил. “Стоит кому-нибудь из них пойти на ярмарку покупать корову, так через полчаса вернется с ослом, а потом первому, кто спросит его про осла, скажет: «Экая жалость, что вместо этого дурацкого осла не купил я корову! От нее было бы больше пользы»”...

– ...“«Пойдешь ли ты со мной домой?
А под плащом я место дам.
Клянусь я книгой, Джек Мужик,
До смерти песен хватит нам»”...

– ...Странное у него имя для мужчины, Доти... Да, Джек Мужик. Он живет там, наверху, в той же деревне, где мы с Катриной. Видала я и старого Мужика, тот был из семьи Фини, из тех, настоящих... И нечего тут смеяться, Доти... Доти! “Мужик” звучит ничуть не хуже “Доти”, если уж на то пошло... Хоть ты и родом с Дивных Лугов, мы тоже, знаешь, не из-под курицы вылезли.

– ...*De grâce, Marguerita...*

– ...“«За Джека выйду я», – собака выла у Катрины.
«За Джека выйду я», – собака выла и у Нель...”

– Катрина многим мужчинам отказала. Среди них и Бриан Старший. У него был надел земли и полная кошница денег. Отец советовал Катрине с ним сойтись. Но, если верить ей, он был такой никчемный, что не стоил и воды из-под картошки.

– ...Начни песню сначала, только спой правильно...

– “И вот поднялся Джек Мужик...”

– ...А и не подумаешь, что Бог наделил Джека Мужика душой, пока тот не начинал петь. И вот если ты хоть раз услышишь его голос, он будет преследовать тебя до конца твоих дней. Я даже не знаю, как это назвать.

– Греза в музыке.

– Вот именно, Нора. Словно удивительный колдовской сон. Будто ты на краю скалы. Внизу под тобой разверзается тоннель. Ты трепещешь от ужаса... А потом голос Джека Мужика доносится до тебя снизу, из глубины. Мелодия берет верх над твоим страхом. Ты словно отпус-

каешь себя на волю... И чувствуешь, как скользишь все дальше, дальше... В глубину, ближе к этому голосу...

– О Господи, Муред! *Хоу триллин!*³¹ *Оныст...*

– Никогда еще я не видела ни единой женщины, которая смогла бы вспомнить, что за песню пел Джек Мужик. Мы готовы были позабыть все, кроме того пыла сердечного, что он вкладывал в свои песни. В окрестных деревнях не нашлось бы ни одной молодой женщины, которая не сумела бы отыскать дорогу к дому Джека по его следам. Я часто замечала девушек на торфяных делянках, и стоило им только увидеть Джека Мужика за резкой торфа или за домашними делами, как они ползком готовы были ползти по ручейкам и болотцам, одержимые любовью к его песням, лишь бы услышать, как он поет. Я видела Катрину Падинь за этим делом – и сестру ее Нель тоже видела...

– *Смашин*, Муред. У культурных людей это называется “любовный треугольник”...

– ...“И вот поднялся Джек Мужик
С рассветным пеньем птиц,
И двинулся на ярмарку
Искать себе девиц...”

– ...Был как раз день большой ярмарки свиней, когда Нель Падинь и Джек Мужик сбежали вдвоем. Ее семья была вне себя от ярости. Не знаю, есть ли у вас такой обычай в Дивных Лугах, Доти, но старшей дочери полагается выходить замуж первой...

– ...“Она несла его сквозь хлябь
Лугов, трясин, болот,
Но лишь глядели им вослед
Птенцы, разинув рот”.

– Джек жил на том конце болот, где вокруг ничего, кроме топей и пустошей.

– Как же, Муред Френшис. Я в жизни не видал более запутанной тропинки, чем к дому Мужиков. Не я ли вывихнул лодыжку, когда возвращался оттуда в день свадьбы...

– ...Конечно, ты, потому что налкался там, как это частенько с тобой бывало...

– ...В ночь перед свадьбой в доме Падиня Катрина ревела в углу, в задней части дома, и рожу у нее была, как у полночного призрака. Мы, девушки, там сидели стайкой. Нель тоже была с нами. И вот она взялась вышучивать Катрину: “Так-растак, Катрина, по-моему, тебе стоит выйти за Бриана Старшего”, – говорит. А Катрина ему только перед этим отказала...

– Я там была, Муред. “Джек мой, – сказала Нель. – Старшего Бриана мы оставим тебе, Катрина”. Катрина просто ума лишилась. Рванулась прочь и больше не приближалась к комнате до утра. И в церковь на следующий день она тоже не пошла.

– Я как раз нарезал в этот день охапку вереска, Муред, и видел, как она бродила по болотам у Желтого холмика. Даже когда свадьба уже была в полном разгаре в доме Мужиков...

– Ноги ее больше не было на участке Джека Мужика – ни в тот день, ни в какой другой после. А когда Катрина проходила мимо Нель, можно было подумать, будто та больна оспой. Сестра так и не простила ее за Джека...

– “ ... Бриан удал, и скотом и землей богат,
Только удачи ему не видать и здоровья, пока не женат”.

³¹ Хоу триллин – как захватывающе! (*искаж. англ.*).

– ... Несмотря на все свои богатства, Бриану так и не повезло найти себе жену. Черт его дернул пойти свататься к Катрине снова...

– “ ... «Вот же дьявол, – Катрина сказала. – Поглядите, какая свинья, Так ошпарим его, ошпарим, подавайте-ка чайник с огня»”.

– Очажный крюк, вот чем пользовались для этого дела к востоку от Яркого города. Например, когда явился Патс Мак Кра...

– Такой способ отказа и к западу от него тоже был в ходу, Доти. *Оныст*. Взять хоть меня, например...

– А вы слышали, что вытворила сестра Портного, когда к ней пришел свататься какой-то старый хрыч из Озерной Роши? Взяла нож из ящика и начала его точить прямо посреди дома. “А вы пока его попридержите”, – говорит...

– О, эта бы могла, точно-точно. Эти, из рода Одноухих...

– И что же вы думаете, после всего этого Катрина возьми и выйди замуж за Шона, сына Томаса О’Лиданя, не сказавши ни да ни нет, когда тот явился просить ее руки...

– Бога ради, Муред, слишком хорош для нее был Томасов Шон...

– Он владел большим наделом песчаной земли...

– И работник был славный, обрабатывать ее умел...

– И дом у него был просторный и зажиточный...

– Этого она и жаждала, ясное дело. Заполучить больше добра и денег, чем у Нель. И жить при этом достаточно близко к Нель, чтобы каждый божий день мозолить ей глаза своим добром и деньгами, которых у самой Нель, конечно, не водилось.

– “«Просторно гумно мне, – сказал кот Катрины. Мне вдоволь и масла, и сливок теперь. Ухожен и счастлив, любим и обласкан, Ну разве так скажешь про котика Нель»...”

– Она давала Нель понять, что вытянула в жизни не худший жребий, и пусть теперь сестрица локти кусает да мается. Катрина сама мне так и сказала. Это была ее месть...

– *О май*³²! Какая интересная история! Пожалуй, я не буду сегодня донимать Старого Учителя уроком чтения... Эй, Мастер³³ ... Мы сегодня не будем возиться с *новелет*³⁴ ... У меня тут кое-что другое творится интеллектуальное. *Оревуарь*...

– В доме Шона Томаса О’Лиданя Катрина была работающей, бережливой, аккуратной хозяйкой. Уж я-то хорошо это знаю, я жила в соседнем с нею доме. Восход солнца никогда не заставлял ее в постели. Трепальный станок и прялка Катрины стучали и шумели частенько ночь напролет...

– Хозяйству ее от этого сплошь польза, Муред. У нее и средства были, и возможности...

– ...И вот заваливаюсь я в букмекерскую контору Барри в Ярком городе. И рука у меня в кармане – так, будто там куча денег. А был у меня всего один шиллинг. И вот я со страшным бряком швыряю его на прилавок. “На Золотое Яблоко”, – говорю. “Забег в три часа. Сто к одному... Может, она победит”, – говорю. И сую руку в карман, а затем достаю...

³² О май – ох ты! (*искаж. англ.*).

³³ Мастер (*ирл. Máistir*) – принятое в Ирландии вежливое обращение к учителю, а также обозначение учителя в живой ирландской речи.

³⁴ Новелет – небольшая повесть (*искаж. англ.*).

– ... Вот жалко, что не я там был, Пядар. Я бы ему этого не спустил. Негоже тебе, Пядар, позволять всякому прожженному еретику оскорблять так твою веру, да, Пядар.

“О вера наших Святых Отцов,
верны тебе будем мы до конца.
Верны тебе будем мы до конца...”

Нет в тебе горячей крови, Пядар. То-то ты его отпустил после таких речей. Ох, не я там был...

– Шли бы вы к дьяволу оба со своей религией. Вы же двое рта не закрываете уже пять лет, а только и знаете, что спорить о вере...

– ...И все-таки говорят, Муред, будто после того как люто Катрина обходилась с Нель, та ее привечала, когда у Катрины умер муж. Было ей очень уж худо в ту пору, а Патрик совсем еще мал годами...

– Что меня привечала Нель! Что меня привечала Нель! Да чтоб я взяла хоть что-нибудь у Нель. Сыне Господа Всемогущего, будь мне свидетель сегодня. Чтоб я хоть что-нибудь приняла от этой заразы! Лопну я! Лопну...

7

– ...“Поросшие крапивой пустоши Баледонахи”, так ты говоришь.
– Да на вшивых пригорках твоей деревни даже крапива не сдюжит вырасти, столько там блох...

– Я упал со стога овса...

– Клянусь душой, как говорится, что мы с человеком из Мэнло³⁵ писали друг другу...

– “Ты имеешь в виду Войну двух иноземцев³⁶, это та война?” – говорю я Патсу Шониню...

– Проснись, человек. Та война кончилась в 1918...

– Она еще шла, когда я умирал...

– Да проснись же, говорю тебе. Ты почти тридцать лет как умер. Сейчас уже вторая война идет...

– Я здесь уже тридцать один год и могу похвастаться тем, чем никто из вас не похвастает: я был первым покойником на этом кладбище. Неужто вы думаете, что старейшему обитателю этого кладбища нечего сказать? Дайте мне сказать. Дайте сказать...

– И правда, Муред, у Катрины были и средства, и возможности...

– Были. Но пусть место у нее было гораздо лучше, чем у сестры, та тоже никогда не сидела сложа руки...

– Помилуй Бог, Муред, да ни она сама, ни Джек ни разу пальцем не пошевелили, а знай глядели друг другу в глазки да пели песни – покуда Пядар, их сын, не вырос достаточно, чтоб обработать хоть немного болот и этих топей и расчистить дикие пустоши...

– У Нель ломаного гроша не было, пока в их дом не свалилось приданое Мэг, дочери Бриана Старшего.

– Как ты ни бранишь то место, а на самом-то деле они жили близко к реке и к озеру, где водились куропатки. И это не говоря уже о всех деньгах, что ей оставляли охотники и рыболовы из Англии. Я своими глазами видала графа, что положил ей бумажный фунт прямо в ладонь – новехонькую, чистенькую фунтовую бумажку...

– ...“Топи”. Так у вас в Дивных Лугах называют болота. А еще я слыхала, что ката у вас зовут “крысолов”. А каминные щипцы называют “дети огня”... Ой, Доти, это не настоящий старый ирландский...

– Спаси нас, Господи, на веки вечные...

– “... «Свиной шлем на рынок», – сказал кот Катрины.

«Пошли свои сплетни», – ответил кот Нель”.

– ...Ни словом не солгу, если скажу, что Катрина с особым рвением молилась, чтобы хозяйство у Нель пришло в упадок. Она прямо трепетала, если у сестры помирал теленок или сгнивала картошка...

– Я ж ни на кого наговаривать не стану, Муред, да не позволит мне Бог такое сделать! Но когда грузовик раздавил ногу Пядару, сыну Нель, Катрина сказала мне прямо в лицо: “Вот и прекрасно, что так случилось. Дорога ему узковата да коротковата оказалась, чтобы вернуться. Так Нель и надо, заразе!”...

– “Этот кон остался за Нель”, – сказала она, когда похоронили Шона Томаса О’Лиданя, мужа Катрининого...

³⁵ Мэнло (Минлох) – частично ирландскоязычный пригород города Голуэй.

³⁶ Война двух иноземцев – одно из обиходных названий Первой мировой войны в Ирландии: один иноземец – германец, другой – англичанин.

– Его похоронили на Восточном кладбище. Уж я-то это хорошо помню, у меня и повод есть: я вывихнул лодыжку, когда поскользнулся на каменной плите...

– На том самом месте, где наакался, как это с тобой частенько бывало...

– ...Чтоб у нее уродилось больше картошки, чем у Нель, больше свиней, кур, сена. Дом чище и уютнее, одежда у ее детей лучше: все это было частью ее мести. Всё месть...

– “ ... Верну-у-улась в шелка-а-ах и с больши-и-ими деньга-а-ами:
старуха реши-и-ила их ей завеща-а-ать...”

– Баб Падинь свалила в Америке какая-то болезнь и довела почти что до смертного одра. Мэг, дочь Бриана Старшего, за ней ходила. Вот Баб и притащила Мэг с собой обратно домой...

– ...“И в доме Катрины осталась, ночуя...”

– Она редко добиралась до дома Нель. Та жила слишком далеко, дальше по дороге, и тропинка к ее дому вела слишком мудреная, чтоб туда ходить после болезни. Так что она больше времени проводила в доме Катрины – по своим причинам...

– ...“Домик у Нель просто жалкая хатка,
Всякий вам скажет, что это не ложь.
В хатке, должно быть, у ней лихорадка, —
Если подцепишь, то сразу помрешь...”

– ...У Катрины в доме был только один сын – Патрик.

– Две дочери у нее умерли...

– Три у нее умерли. Еще одна в Америке была... Кать...

– Уж я это хорошо помню, Муред. Я как раз вывихнул лодыжку в тот день, как она уезжала...

– Баб обещала Патрику Катрины, что тот никогда не узнает нужды, стоит ему жениться на Мэг, дочери Бриана Старшего. Катрина просто терпеть не могла Бриана Старшего, да и к его собаке или дочери она относилась точно так же. Но за дочкой давали солидное приданое, и Катрина думала, что Баб больше склоняется оставить свои деньги у нее в доме – благодаря Мэг. Хочет бросить Нель вызов...

– “ ... И в до-о-оме Катрины оста-алась ночу-у-уя,
но Патрик отве-е-ергнул Бриа-анову до-о-очь:
Я дочь Нору Шо-о-онинь, красу неземну-у-ую люблю,
и мне де-е-еньги не в си-и-и-илах помо-о-очь...”

– Да здравствует Паршивое Поле!..

– А дочь Нору Шонинь была прекрасная девушка. Вот вам мое слово.

– ...Вот что с самого начала настроило Катрину против твоей дочери, Нора Шонинь. Все эти разговоры о приданом – только предлог. С того самого дня, как твоя дочь переступила порог дома женой ее сына, Катрина глядела на нее, словно щенок, что уже поставил лапу на добычу, и видит другого щенка, готового вырвать ее из пасти. Разве не часто случалось тебе приходиться с Паршивого Поля, Нора...

– “ ... Лишь утро забрезжит – идет Нора Шонинь...”

– *О май!* Мы приближаемся к самой волнующей части истории, Муред, правда же? Герой женится на своей возлюбленной. Но другая женщина все еще неподалеку, возможно, она отчаялась и отступила на время, но множество бед еще ждет нас в этой истории: анонимные письма, клевета на героя, убийство, быть может, развод наверняка... *О! Май!*

– “ ... «Не пара нам Бриан»”, – сказал кот Катрины...”

Теперь сама добавь в эту песенку пару строчек...

– “ ... «Решил сделать хуже?»» – ответил кот Нель...”

“«Сосватаем дочку», – сказал кот Катрины...”

“«Не выйдет, поверь мне», – ответил кот Нель”.

– Я очень хорошо помню тот день, Муред, когда Пядар, сын Нель, женился на дочери Бриана Старшего. Я как раз вывихнул себе лодыжку...

– “ ... И в до-о-оме Катрины оста-а-алась, ночу-у-уя,
но Патрик отве-е-ергнул Бриа-а-анову до-о-очь...”

– Катрину гораздо больше задело то, что Баб перебралась в дом к Нель, чем то, что сын Нель получил в приданое деньги, обещанные Катрининому сыну Патрику...

– Я очень хорошо помню тот день, Муред, когда Баб Падинь уехала обратно в Америку. Я как раз косил сено на Рыжем торфянике, когда увидел, как они идут в мою сторону от дома Нель. Я побежал к ним, чтобы попроситься. Дьявол дери мои потроха, но когда пришлось перепрыгивать через канавку, я как раз вывихнул себе...

– Как по-твоему, Муред, должно быть, прошло уже лет двадцать, с тех пор как Баб Падинь уехала обратно в Америку...

– Шестнадцать лет минуло, как она уехала. Но Катрина с того дня глаз не спускала с ее завещания. Кабы не это, Катрина уже давно лежала бы в земле. Уж такое она получала удовольствие от того, что собачилась с женой своего сына...

– Да, Муред. А еще от того, что завела себе манеру все время ходить на похороны.

– А еще земля Томаса Внутряха...

– ...Послушай-ка, Куррин:

“Большой алтарь по смерти тоже вроде утешенья...”

– Не обращай внимания на этого мерзавца, Куррин. Конечно же, он никогда не умел слагать стихи...

– Что-то история становится скучной, Муред. Я думала, в ней будет куда больше душевного трепета...

– ...Послушай, Куррин, а вот и вторая строчка:

“За добрый фунт могила моей гордости дана...”

– ...*Оныст*, Муред. Я думала, там будет убийство или по крайней мере один развод. Но Доти может оценить, насколько я была пристрастна...

– ...Вот оно! Господи, Куррин, послушай:

“Крест надо мною в сердце Нель зажжет изнеможенье,

И мне в кладбищенской грязи победа суждена...”

8

– Эй, Муред! Ты меня слышишь, Муред? Как только стыда хватает у Норы Шонинь говорить со Школьным Учителем... Ну конечно, да, Муред. Каждому известно, что она моя сватья. Конечно, ничего особенного, но в таких местах, как это, все на виду и никому нет ни уединения, ни убежища. Боже всемогущий. Шалава! Шалава она! И сроду была шалава. Все то время, пока она была в услужении в Ярком городе и пока не вышла замуж – подумать только! – она якшалась с моряком...

Ну разумеется, Муред... Я ему это сказала. “Патрик, сердечко мое, – так прямо ему и говорю... Вот та штучка с Паршивого Поля, на которой ты так спешишь жениться, а ты слышал, что ее мать якшалась с моряком в Ярком городе?”

“И что плохого?” – сказал он.

“Но Патрик, – говорю я. – Моряки...”

“Хе! Моряки, – говорит. – А чем моряк хуже кого другого? Я знаю, с кем мать этой девушки водилась в Ярком городе, но до Америки им далеко, и вот я уж не знаю, с кем там гуляла Мэг, дочь Бриана Старшего. С черными, поди...”

Разумеется, Муред. Вот она, единственная причина, с чего я просила сына привести дочь Бриана Старшего в мой дом: никак не хотела я доставить Нель радости от полученных денег. Видит Бог, Муред, мне было за что не любить дочь Бриана. В тот вечер, когда Нель выходила замуж, вот что эта зараза сказала мне в лицо: “Ой, Джек теперь мой, – говорит она, зараза, – а Бриана Старшего оставим тебе, Катрина”.

Чтоб ты знала, Муред, эти несколько слов задели меня больше, чем все обиды, какие она мне причинила, купно взятые. Эти слова, словно стая злобных хорьков, рыскали туда-сюда в моем мозгу и исходили ядовитой слюной. Не сумела я выбросить это из головы до дня моей смерти. Так и не сумела, Муред. Каждый раз, как видела Бриана Старшего, я вспоминала тот вечер, и комнату в доме, и эти шутки, и Нель в обнимку с Джеком Мужиком... Нель в обнимку с Джеком...

Бриан Старший ко мне сватался дважды, Муред. Я никогда тебе не говорила. Как там Нора Шонинь это называет? Любовный треугольник... любовный треугольник. Ей-богу, в точности как ее дурацкая ухмылка... Но, Муред, я тебе не рассказывала... Ты ошиблась. Не из такого я теста, Муред. Я не сплетница. Все, что меня касалось, все, что я видела или слышала, я унесла с собой в грязь кладбищенскую. А теперь уж никакого вреда в том, чтоб тебе это рассказать, раз уж мы все теперь на Пути истины³⁷... Он ко мне сватался дважды, ну да. В первый раз мне было не больше двадцати. Отец старался меня уговорить. “Бриан Старший – человек хороший, состоятельный. И земля у него есть, и тугая мошна”, – говорит. “Не пойду за него, – говорю, – хоть бы мне даже пришлось взять шаль у Нель и стоять в ней на ярмарочном помосте”. “А что так?” – спросил отец. “Потому что он мерзкий зудила, – говорю. – Ты посмотри, какая у него козлиная борода. Посмотри, как у него торчат зубы. Как он гундосит. Какой он косолапый. Посмотри, что за грязная лачуга у него, а не жилье, как он весь грязью зарос. Он же в три раза меня старше. Он мне в деда годится”.

И я была права. Ему тогда было почти полсотни лет. Сейчас ему почти сто, и он все еще топчет землю, не проболел ни дня, не считая редких приступов ревматизма. И ходил за пенсией каждую пятницу, пока я еще жила на этой земле, мерзкий зудила!..

“Своенравное дитя только своих советов и слушает”, – сказал мой отец и больше ни о чем уже со мной не заговаривал.

³⁷ Путь истины (*ирл.* slí na fírinne) – в ирландском языке метафорическое обозначение загробной жизни. Умерший не может более грешить, в том числе лгать, поэтому на пути к вечной жизни будет придерживаться истины.

Вскоре, после того как Нель вышла замуж, он заявился снова. Я как раз собиралась поставить чай, когда смеркалось, я это хорошо помню. Поставила чайник на очаг и хлопотала над углями. И вот этот тип вошел ко мне и начал ни с того ни с сего, прежде чем я даже успела его распознать: “Выйдешь за меня, Катрина?” Вот прямо с порога. “Думаю, я тебя заслужил, второй раз сюда прихожу. А я уж потерял достаточно здоровья от жизни без такой красивой сильной женщины...” Клянусь своей душой, вот прямо такую речь и сказал.

“Не выйду за тебя, пень ты трухлявый, хоть бы я зеленой пеной изошла от жизни без мужчины”. Схватила каминные щипцы, а в руке у меня был чайник с кипятком. Я не стала терять ни минуты, Муред, выбежала к нему, на середину комнаты. Да только он выскочил в дверь. Чтоб ты знала, Муред: по части мужчин мне попробуй угоди. Я была хороша собой и приданое достойное... Еще чего, Муред, выходить за Бриана Старшего после всего, что сказала Нель...

– ...“Может, она победит”, – говорю. И сую руку в карман, а затем достаю и говорю: “Теперь уж все или ничего”, – и беру билет у барышни. А она мне улыбается светлой улыбкой, от всей души, без всякого злого умысла. “Если Золотое Яблоко победит, – говорю, – я тебе конфет куплю и свожу на фильм. Или ты предпочитаешь немножко потанцевать... Или пропустить пару стаканчиков в укромном уголке в гостинице «Вестерн»”...

– ...*Qu'est ce que vous dites? Quelle drôle de langue! N'y a-t-il pas là quelque professeur ou étudiant qui parle français?*

– *Оривуарь. Оривуарь.*

– *Pardon! Pardon!*

– Закрой пасть, зануда!

– Вот бы дотянуться до этого олуха, уж я бы его угомонил. Или так – или он бы у меня заговорил, как положено христианину. Каждый раз, как кругом говорят про Гитлера, он начинает лопотать что есть сил. Кабы кто-нибудь его понял, думаю, оказалось бы, что он вовсе не так уж благодарен Гитлеру...

– Ты разве не слышишь, всякий раз, когда рядом произносят “Гитлер”, он обзывает его “сучьей мордой”³⁸. Хорошо, хоть это по-ирландски выучил. Ух, если б я только мог до него дотянуться! Хай Гитлер! Хай Гитлер! Хай Гитлер!..

– *Je ne vous comprends pas monsieur...*

– Кто это, Муред?

– Да тот человек, что убили на летающей лодке, ты разве не помнишь? Ну, тот, что упал в Среднюю гавань. Ты еще была жива в то время.

– Ну конечно, я ли не видала, как его хоронили, Муред... У него были великолепные похороны. Говорили, он герой, совершил какой-то подвиг...

– Он все что-то лопочет, лопочет. Учитель говорит, что это Француз и что он его не понимает. Вроде как язык у него подпортился – из-за того, что он столько времени провел в соленой воде...

– И Учитель, значит, его не понимает, Муред?

– Ну вот ни черта не понимает, Катрина.

– А я ведь всегда знала, Муред, что у нашего Старого Учителя плоховато с образованием. Неудивительно, что он не понимает Француза! Мне самой давно надо было догадаться...

– Вот Нора Шонинь понимает его лучше всякого другого на кладбище. Ты слышала, как она ему недавно отвечала?

– Да у тебя ума ни капли, Муред Френшис. Это Норушка-то Грязные Ноги...

³⁸ Похоже, Француз говорит *merde* (фр. «дерьмо»), что его ирландские соседи скорее всего принимают за *meirdreach* («сука», «шлюха»).

– *Ils m'ennuient. On espère toujours trouver la paix dans la mort mais la tombe ne semble pas encore être la mort. On ne trouve ici en tout cas, que de l'ennui...*

– *Орывуарь. Орывуарь. Де грян. Де грян.*

– ...Шестью шесть – сорок шесть; шестью семь – пятьдесят два; шестью восемь – пятьдесят восемь... Ну разве я не молодец, Мастер! Выучила таблицу умножения до шести. Если бы я ходила в школу еще ребенком, меня бы уж вовек было не унять. Теперь я расскажу таблицу с самого начала, Учитель. Дважды один – это... Что ж вы не хотите слушать, Учитель? Вы меня не замечаете с тех самых пор, как Катрина Падинь рассказала вам про вашу жену...

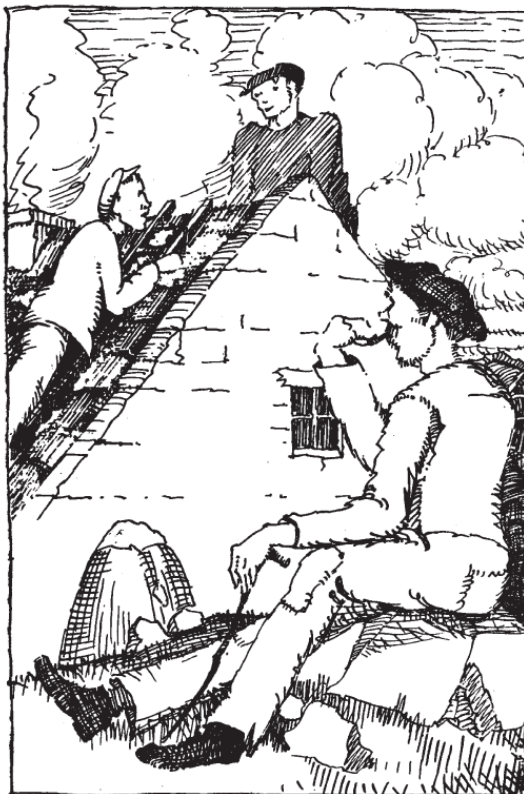
– ...Клянусь дубом этого гроба, Куррин, я дала Катрине Падинь фунт, но так ни пенни и не увидела с того дня...

– Божечки, да врешь же, старая ведьма...

– ...*Оныст*, Доти, ты не понимаешь: ты же пришлая, с Дивных Лугов. А это все истина, святая истина, Доти. Честное слово. Я собиралась сказать ... “клянусь благословенным перстом”, но это все пустые слова. Так что вместо этого я лучше скажу “вот тебе святой крест на груди”, Доти. Муред рассказывала тебе и про себя, и про Нель, только она тебе не говорила, какое приданое я дала своей дочери, когда та вышла замуж в дом Катрины. А эту историю стоит послушать, Доти. Все остальные об этом уже знают. Шестью двадцать, Доти. *Оныст!* Сто двадцать фунтов, Доти. *Оныст!* Сто двадцать фунтов золотыми гинейми...

– Божечки! Муред! Муред! Ты слышишь? Я лопну! Я лопну, Муред! Лопну, Муред! Дочь Норы Шонинь... Сто двадцать фунтов... Приданого... В моем доме... Я лопну! Лопну! Ой, лопну! Лопн... я ... лоп... я ... лоп... я ... ло...

Интерлюдия номер два Грязь рассеянная

ТОМАС ВНУТРЯХ

1

Ты сам напросился. Не я, так кто другой тебя зарезал бы, что в лоб, что по лбу. И коли быть зарезанным, так лучше уж рукой соседа, чем чужака – чужака похоронят далеко-далеко, где-нибудь на Дивных Лугах или, быть может, в Дублине, а то и где-нибудь на Севере. И что тебе тогда делать? Ты глянь, какая тебе радость, что я здесь, рядом с тобою лежу, и можно меня чихвостить. А если бы рядом с тобой лежал чужеземец, ты бы даже не знал, как его обозвать, и не знал бы его роду-племени, и предков до седьмого колена. Прикинь сам, человеке, тебе, может, и все равно, но я тебя чистенько зарезал...

– ...Вы, Одноухое племя, известны тем, что людей режете чистенько...

– ...Кобылка с белым пятном была хороша...

– ...Клянусь дубом этого гроба, Джуан Лавочница, я дала Катрине Падинь фунт...

– ...Вот так оно и получилось. Пришел я в контору к букмекеру около трех. “Золотое Яблоко, – говорю, – может и выиграть”. Сую руку в карман, а затем достаю... А у меня там и фартинга³⁹ не было...

И вот пробило три. Забег пошел. Золотое Яблоко выиграла, сто к одному. Забираю свои пять фунтов. А девчонка опять мне улыбается, улыбка ясная, от души, без всякого злого умысла. И значит это для меня куда больше выигрыша: “Я тебе куплю конфет, или свожу тебя на фильм, или на танцы... или что тебе лучше?” Такое смущение меня проняло, я и не закончил, что хотел сказать.

“Встретимся с тобой возле «Плазы»”, – говорю. Иду домой. Бреюсь, моюсь, наряжаюсь, в порядок себя привожу. Даже ни капельки для храбрости не выпил. Слишком уж важна была для меня эта ясная улыбка юной непорочной души, без всякого злого умысла...

Прихожу к “Плазе” к семи. И вынимаю свои пять фунтов, чтоб купить ей коробку шоколадок. И шоколадки эти так тронули ее непорочную душу, что улыбка ее была, словно роза в первых лучах утреннего солнца. До чего же обидно, что сам я такой неотесанный!..

– погоди-ка, я вот тебе зачитаю декларацию, с какой Эмон де Валера обратился к народу Ирландии:

“Народ Ирландии...”

– ...Ты сам погоди, я тебе зачитаю воззвание, с которым Артур Гриффит обратился к народу Ирландии:

“Народ Ирландии...”

– ...Я в тот вечер выпил дважды по двадцать да еще две пинты одну за другой. А потом пришел домой, прямой, как тростник испанский... Прямой, как испанский тростник, говорю тебе... Отогнал я от пестрой коровы теленка, что был при ней уже два часа, выгнал старого осла из овса у Куррина... И я же связал Томашина. Подвесил я ботинки над очагом и только собрался встать на колени, чтобы прочесть несколько молитв, как тут входит девочка. Сама почти не дышит: “Моя мама велит, чтоб ты шел сейчас же, – сказала она. – Папе опять родина в голову стукнула”.

“Дьявол его побери, нашел тоже время, – говорю. – Я как раз собрался помолиться. Теперь-то с ним какого черта приключилось?”

“Виски-самогонка”, – говорит.

Ну, я вышел. Он там уже ополоумел вконец, и никто в доме не мог его унять. Слабо-сильное племя, куда деваться. “Ну что, – говорю. – Давайте мне скорей веревку, покуда он не схватился за топор. Вы что, не видите, он уже на него косится...”

– Я это хорошо помню. Я как раз вывихнул себе лодыжку...

³⁹ Фартинг – одна из самых мелких английских монет.

- ...А игра была наша.
- Чего уж там ваша. Если бы мина не разворотила дом...

– “ ... Я вымыл лицо туманом прохладным,
Ветром волосы я расчесал...”

Нет, это все еще неправильно, Куррин. В этой строчке что-то не ложится в размер. Погоди-ка, погоди:

“Я вымыл лицо туманом прохладным...”

Это вот красиво, Куррин. Я уже использовал такой ход в “Золотых звездах”. Постой-постой... Теперь послушай, Куррин:

“Я вымыл лицо туманом прохладным,
Ветрами волосы я расчесал...”

Вот так отлично. Я знал, что в конце у меня все сложится, Куррин... Ты еще слушаешь?

“Я вымыл лицо туманом прохладным,
Ветрами волосы я расчесал,
Шнурки были радуги светом отрадным...”

Постой, Куррин, постой... Эврика!..

“И пояс Плеяд штаны мне держал”.

Я знал, что у меня сложится, Куррин. Послушай еще раз всю строфу...

– Разрази тебя дьявол, кончай ты людей изводить. Уже год тянешь из меня душу своими бессмысленными стихами. У меня и без того забот полон рот, прости, Господи: старший сын завел дружбу с дочерью Придорожника, и жена моя, надо полагать, задумала отдать ему большой кусок земли. Вдобавок ко всему я даже не знаю, кто прямо сейчас топчет мой овес: старый осел Проглота или скотина Придорожника...

– Твоя правда, Куррин. Какого же черта они не похоронили этого грязного мерзавца на Восточном кладбище. Ведь там похоронен Майк О’Донелл, который написал “Песню репы” и “Спор цыплят из-за зернышка овса”...

– И Большой Микиль Мак Коннали, что написал “Песню Катрины” и “Песню Томаса Внутряха”...

– И “Песнь котов”. “Песнь котов” – это прекрасное стихотворение. Уж тебе-то никогда такого не сочинить, мерзавец...

– ...Шестью восемь – сорок восемь; восемью семь – пятьдесят четыре... Вы меня совсем не слушаете, Учитель. Ум у вас теперь все где-то блуждает... А я нисколько не развиваюсь! Так вы сказали, Учитель? Ничего удивительного, Мастер, вы же совсем не обращаете на меня внимания... Ответьте мне лучше, сколько там этих таблиц, а, Учитель?... Это уже всё? Вот бы так! Тогда – ух ты, тогда я могла бы считать до ста... до тысячи... до миллиона... до квадриллиона... В любом случае, у нас же куча времени, чтоб все их выучить, сколько б их там ни было, Учитель. Я всегда слышала, что на кладбище времени хватает. А Тот, Кто создал время, создал его достаточно...

– ...Спаси нас, Господи, жаль, что они не отнесли мои бранные останки на восток от Яркого Города и не похоронили меня у храма Бреннана на Дивных Лугах с моими родичами... Там земля мягкая и гостеприимная; там земля уютная, словно шелковая; там земля добрая и ласковая. И смрад могилы там не смрад, и распад плоти не распад. Но там земля стремится к земле; там земля целует и обнимает землю; там земля сольется с землей...

– Опять у нее “сантименты”...

– Вряд ли встретишь женщину жизнерадостней, но вот как найдет на нее эта дурь...

– Вот уж правда, спаси нас, Господи! Да вот Катрина-то намного хуже. Как заведет про Нель и про Нору Шонинь...

– Ага. Тут Катрина совсем уже компас теряет. Прав был Бриан Старший, когда назвал ее *женнет*⁴⁰...

– Неправ был Бриан Старший. *Оньист*. Совсем неправ...

– Это еще что такое? И ты тоже, что ли, вдруг против этого брюзги, Нора?..

– *Оньист*, он был неправ. *Женнет* – это очень культурное животное. *Оньист*, так и есть. У Верещаников в Баледонахи была *женнет*, когда я ходила в школу, давным-давно. И она ела хлеб с изюмом у меня с ладони...

– В школу ходила давным-давно! Нора Грязные Ноги ходила в школу! Хлеб с изюмом на Паршивом Поле! Божечки, горе горькое! Муред... Муред, ты слышишь, что тут рассказывает Нора Грязные Ноги, дочь Шона Малиновки? Ох, я лопну...

⁴⁰ Женнет, jennet (англ.) – низкорослая испанская лошадка.

2

... Эй! Нора Шонинь!.. Нора Шонинь!.. Нора Грязные Ноги!.. Ты так и не бросила гнусную привычку сыпать вранье направо и налево и даже унесла ее с собой в могилу... Ну конечно, весь погост знает, что сам сатана – да отречемся мы от него! – дал тебе займы свой лживый язык, еще когда ты была грудным ребенком. А ты уж так научилась им пользоваться, что он его даже не стал и обратно просить...

А что до ста двадцати фунтов приданого за эту твою распустеху дочку – о, горе мне, горе... Женщина, у которой не нашлось и тряпки, чтобы прикрыть себя в день свадьбы, пока я не купила ей все, что полагается... Сто двадцать фунтов у Норы Грязные Ноги... Да отродясь не собрать было ста двадцати фунтов со всего вашего Паршивого Поля, пройди его вдоль и поперек, никогда. Паршивое Поле с лужами. Думается, вы теперь слишком хорошо зажили, чтоб уток доить... Шесть раз по двадцать фунтов... Шесть раз по двадцать блох! Да нет, шесть тысяч блох. Вот чего больше всего было в хозяйстве у Норы Грязные Ноги за всю жизнь. Святая правда, Норушка. Кабы блохи могли давать приданое, тогда тому дурачку, что женился на твоей дочери, Норушка, девять раз хватило бы на то, чтоб стать рыцарем. А уж блох-то она в мой дом принесла порядочно.

Воистину, день скорби настал для меня, Норушка, когда я впервые увидела тебя и твою дочь под крышей моего дома. Неряха косорукая, вот она кто. Так и есть, Нора, она же вся в тебя: женщина, что не умеет ни ребенка спеленать, ни застелить постель мужу, ни раз в неделю выгрести лишнюю золу, ни расчесать колтун у себя на голове... Это она вогнала меня в землю на сорок лет раньше срока. Она и сына моего тоже загонит, если, конечно, сама не явится сюда после следующих же родов, чтобы составить тебе компанию и сплетничать...

Ну и ехидный же у тебя клювик, Норушка ... “У нас все будет...” как ты там сегодня это прочирикала?.. “Все теперь будет О-Кей”... О-Кей. В самый раз для тебя словечко, Норушка ... “Мы будем О-Кей. У тебя сын, а у меня дочь, и под землей мы с тобой будем вместе, точно так же, как были на земле”. Вот такая у тебя сатанинская игрушка вместо языка, Норушка... А когда ты была в Ярком городе... Это я врушка, говоришь? Да это как раз ты врешь и не краснеешь, Нора Грязные Ноги...

– Карга!

– Шалава!

– Хабалка!

– Грязноногий ваш род... Доильщики уток...

– Ты помнишь тот вечер, когда Нель сидела в обнимку с Джеком Мужиком? “А Бриана Старшего мы оставим тебе, Катрина...”

– Зато я никогда не сидела в обнимку с моряками, слава тебе, Господи...

– Тебе просто возможности не представилось, Катрина... Я тебя ни капельки не боюсь. Бесконечные твои враки и злоба у меня на вороту не виснут. На всем этом кладбище меня знают и уважают гораздо больше, чем тебя. И у меня над могилой приличный крест, куда больше твоего, Катрина. *Смашин! Оньист!*

– Ой, ну конечно, если у тебя такой и есть, за него не твои деньги плачены. Благодарю своего дурака братца, это он поставил тебе крест, как вернулся домой с Америки. Долгонько пришлось бы ждать, пока соберут денег на такой крест с Паршивого Поля, где уток доят... Что ты там говоришь, Нора? Ну, давай, давай, скажи. У тебя и смелости-то не хватает сказать мне. Нету у меня никакой культуры, Норушка? Культуры у меня нет, это да! Это ты верно подметила, Норушка. Зато у вашего вшивого, грязноногого рода всегда была культура – блох разводить да гнид...

Что ты там говоришь, Нора? Нет у тебя времени со мной препираться?.. Ты, значит, даром время теряешь, со мной препираючись? Божечки! Ну конечно, нет у тебя времени препираться со мной! У тебя же другие дела есть, да!.. Что ты там говоришь? Тебе надо послушать еще одну главу из... Как она там это называет, Учитель? Учитель... А он меня не слышит. Он, бедняга, совсем голову потерял с тех пор, как узнал про свою жену... Ну да, как же ее, душа моя пресветлая... *Новелет*... Сейчас как раз время, когда Учитель каждый день читает тебе немного *новелет*... Если бедный Учитель обратит на меня внимание... О, Мария, Матерь Божья! *Новелет* с Паршивого Поля... *Новелет* Вшивые Ноги... Муред... Эй, Муред, слышишь меня? *Новелет* у них, у грязноногого рода... Ой, я сейчас лопну! Лопну...

3

– ...Клянусь дубом этого гроба, Проглот, я дала ей фунт, Катрине Падинь...

– ...Сохрани и спаси нас, Господи, на веки вечные... И смерть моя там для меня вовсе не смерть, ибо земля тех лугов мягка и тепла; крепкая земля, что может быть нежна с силой собственных сил; гордая земля, чьи сокровища не сгниют, не распадутся и не увянут в ее утробе, дабы напитать ее; богатая земля, что позволяет себе быть щедрой со всеми своими дарами; плодородная земля, что способна менять и преобразовать все, что ест она и пьет, не поглощая, не портя, не искажая... Она распознаёт свое...

Нежный лютик, мшистая, влажная муравая трава, прелестный первоцвет, милосердный болиголов и гордая полевица росли бы там над моей могилой... Ласковый щебет птиц раздавался бы над моей головой вместо разноголосицы морских волн, шума вод да крика чайки, что жадно рыщет, обжираясь мелкой рыбой... О земля равнины! Как же славно было бы укрыться под твоим плащом...

– Опять у нее “сантименты”...

– ...Патрик Пирс говорил, и О’Донован Росса говорил, и Уолф Тон говорил, что Эмон де Валера был прав...

– Тордельбах Мак Суибне говорил, Джеймс Конноли говорил, Джон О’Лири говорил, Джон О’Махони, Джеймс Финтон Лэйлор, Девитт, Роберт Эммет, лорд Эдвард Фицджеральд и сам Сарсфилд – все говорили, что Артур Гриффит был прав...

– Рыжий Оуэн О’Нил сказал, что Эмон де Валера был прав...

– Рыжий Хью О’Доннел сказал, что Артур Гриффит был прав...

– Арт Макмуррох Каванах сказал, что Эмон де Валера был прав...

– Бриан Бору, Мэлсеахлан, Кормак Мак Арт, Нейл Девяти Заложников, оба Патрика, святая Бригитта и Кольм Килле, и все святые земли Ирландской, где б ни жили они – на суше, на море иль в небе, – все они; и все мученики земли Ирландской, от Дун Корка до Белграда; и Финн Мак Кумалл; Ошин, Конан, Кальте, Дейрдре, Грайне; и Великий Профессор земли Ирландской – Олам Фодла, и Гэл Зеленый – все сказали, что Артур Гриффит был прав⁴¹...

– Врешь ты все, не говорили они...

– А я тебе говорю, что ты брешешь и что они так и сказали. Правда глаза колет...

– Ты подло зарезал меня, когда я сражался за Ирландскую Республику...

– Поделом тебе. Ни Закон Божий, ни Закон Церкви не позволяют свергать легитимное правительство насильственным путем... Сам я политикой не занимаюсь, но питаю уважение к старым “Ирландским Добровольцам”⁴²...

– Трус, ты же под кроватью сидел, когда Эмон де Валера сражался за Ирландскую Республику...

– Тряпка, сам ты под кроватью сидел, в то время как Артур Гриффит...

– “... И двинулся на ярмарку искать себе девиц...”

– ...Погоди немного, мил-человек, дай мне закончить мою историю:

“Мне Джона Джеймисона пришли,

⁴¹ В споре упоминаются многочисленные реальные и мифические персонажи ирландской истории разных эпох, а также герои легенд и сказок.

⁴² «Ирландские Добровольцы» – военная организация, основанная в ноябре 1913 года для защиты и поддержки прав и свобод, общих для всех граждан Ирландии различных убеждений, партий и классов. В 1919 году «Ирландские Добровольцы» была реорганизована в Ирландскую Республиканскую Армию и участвовала в войне за независимость 1919–1921 годов.

Теперь я от этого – сона вдали...”⁴³

– Прекрасная дева из сидов похитила Джона Джеймисона и заточила его в волшебном замке, откуда ему не было выхода. И в тот же час все воды, окружающие Изумрудный Остров, включая и те, что омывают и его берега, и острова вокруг него самого, высохли. И ничего не осталось, кроме двух бутылок португальской газированной воды, что выбросило на остров Большой Бласкет⁴⁴, да бочки воды испанской святой, которую рыболовный траулер обменял на полсотни с небольшим картофелин у ирландского рыбака близ острова Браннох⁴⁵...

В Дублине в это же время тоже жила красотка в русых локонах...

– Эту версию я сам слышал от стариков в нашей деревне, Колли, и речь тут о медсестре, а жила она в Ярком городе...

– Женщина из букмекерской конторы – я такое слышал...

– Ой, да как же так? Она жила в Дублине. Где же ей еще жить! “Есть у меня стрела, – говорит она, – что освободит Джона Джеймисона, если только тот пообещает мне в приданое сто одну большую бочку, сто одну среднюю бочку и сто один маленький бочонок лучшего самогонного виски...”

– И что, Проглот, как же твои дважды по двадцать пинт да еще две?..

– Погоди немного, Колли, я бы так закончил эту историю, кабы не представился...

– ...А вот если Гитлер дойдет до Англии, он их заставит жратьдохлых кошек...

– Вот уж правда, тогда дела в мире пойдут – хуже не придумаешь. Ни за корову, ни за теленка уж не дадут и пенни. Боже храни всех бедняков, если скотина подешевеет еще хоть немного. У меня в деревне остался надел земли, и прямо не знаю, стоит ли теперь откармливать скотину. Все прахом пойдет, боюсь, если цена на скот обвалится...

– “Стоит ли теперь откармливать скотину!” У тебя в деревне такая земля, что если там выпустить пару кроликов и оставить скакать самих по себе, то и через пять лет с нее ничего не получишь, кроме этих двух кроликов, – если, конечно, и эти два уцелеют.

– У тебя в жилах не кровь, а вода, Пядар. Вот если бы я там был. Клянусь Святым Писанием, я бы ему нашел подобающий ответ. Если бы у меня был постоянный двор, Пядар, и прожженные еретики явились бы туда, оскорбляя вот так мою веру...

– ...Мы, Покойники За Полгинеи, также выдвигаем единого кандидата на этих выборах. Как и другим политическим группам – Покойникам За Фунт и Покойникам За Пятнадцать Шиллингов – нам нечего предложить нашим соупокойникам. Но мы принимаем участие в Выборах на этом Кладбище, поскольку у нас, у Партии За Полгинеи, тоже есть своя политика. Если выборы приносят пользу обществу на земле, принесут они пользу и нам. Без выборов нет демократии, а мы здесь, в грязи кладбищенской, являемся истинными демократами. Покойники За Фунт – это партия аристократов, партия консерваторов, партия больших шишек, партия реакционеров, партия власти и контроля. Покойники За Пятнадцать Шиллингов – это партия коммерсантов и торговцев, партия людей искусства, буржуазии, среднего класса, хозяев и собственников. Но мы, дорогие соупокойники, именно мы – партия рабочего класса, пролетариата, партия издольщиков и деревенских арендаторов, бедняков и угнетаемых. Партия всего притесненного люда, тех, кто занят тяжким трудом, “корчует лес и черпает воду”⁴⁶. Наша задача – неустанно и бесстрашно бороться за наши права, как подобает бывшим людям (стук черепов на Участках За Полгинеи)...

⁴³ Джон Джеймисон (1740–1823) – ирландский винокур, открывший в 1780 году собственную вискокурню. Основатель самой популярной в Ирландии марки виски.

⁴⁴ Большой Бласкет – остров в нескольких километрах от побережья Ирландии, рядом с графством Керри.

⁴⁵ Браннох – остров в архипелаге Аранских островов у побережья графства Голуэй.

⁴⁶ Отсылка к Ис. Н. 9:23.

– ...Единый кандидат, которого мы, Партия За Пятнадцать, выдвигаем на этих выборах – женщина. Пусть это не устроит никого из вас, друзья. Ее муж никогда не был депутатом парламента. Эта женщина зарекомендовала себя на этом Кладбище покойницей большого ума и здравого смысла. Три года назад, когда погрузилась в грязь кладбищенскую, она знала столь же немного, как и те пустомели, что повторяют чепуху со своих Мест За Полгинеи. Но что бы ни говорила Партия За Полгинеи, у всякого на этом Кладбище равные права и равные возможности (продолжительный стук черепов). Наш общий кандидат тому доказательство. Ныне она культурна и образованна. Дорогие соупокройники, разрешите представить вам нашего единого кандидата... Нора Шонинь (долгий несмолкающий стук черепов).

– Нора Грязные Ноги! Шалава. Доярка утиная. Эй, Муред... Муред... Нора Шонинь... Я сейчас лопну!.. Ой, лопну!..

4

... Нора Грязные Ноги выдвигается на выборы! Господи Иисусе Христе! Никакого у них уважения даже к себе самим не осталось на этом погосте, если им больше некого выбрать, кроме вшивой Норы с Паршивого Поля... Она, конечно, не пройдет... Хотя кто знает?.. Кити, Доти и Муред – все с ней разговаривают, Пядар Трактирщик и Джуан Лавочница тоже иногда... А уж Старый Учитель – стыд и срам, что он там ей рассказывает каждый день... Он-то говорит, дескать, все это из книг, но разве найдется в ком столько nepотpeбствa, чтоб вставить такое в книгу...

Волос твоих яркий костер,
Туман твоих серых глаз,
Твой купол груди неземной
Влекут желания взор.

... Хорошенькие речи для школьного учителя! Учительша и Билли Почтальон, видно, совсем свели его с ума. Останься у него хоть капля мозгов, он бы, конечно, не стал хвалить Нору Шонинь: “Ум у нее определенно развивается, – говорит. – Теперь у Норы есть некий уровень культуры...”

Быстро же она мне напомнила про крест над ее могилой. “И у меня над могилой приличный крест, – говорит, – а над тобой такого нет, Катрина”. Ее могила и вовсе бы осталась без креста, кабы ее дурак братец за него не заплатил. Я ей так и сказала. Лежала бы она здесь на Участке За Полгинеи без камня, без ограды, среди сброда из Сайвиной Обители или Озерной Рощи, там ей и самое место, правду сказать. За нее почти и не молились, пока она не померла. Когда кто-нибудь похвалил хоть кого из ее рода. Да никогда. Никогда в жизни. Не видали мы такого. Они же из-под щавеля вылезли...

Но поставить здесь крест – все равно что большой дом на земле отстроить, да так, чтоб на двери название: “Барсучий вид”. “Райские кушци”. “Приют банши”. “Путь влюбленных”. “Солнечный зайчик”. “Дворец святых”. “Лужайка лепрекона”. А кругом еще цементная оградка, деревья, цветы по всей клумбе, железная калиточка – сверху арка в завитушках, красота и деньги в банке... Оградка на погосте – все равно что высокие стены вокруг графского дома. Всякий раз, как ни посмотрю на ограду графского участка – не бывало случая, чтоб у меня сердце не встрепенулось. Всегда думала, того и гляди увижу какое-то чудо: вот граф и его супруга, оба с крыльями, только что приземлились после ужина на небесах. Или вот святой Петр – и граф с женой рядом с ним, сопровождают его к столу под сенью деревьев. А в руке у него сеть, потому как он только что рыбачил в графском озере, и в ней – золотой лосось. Здоровенные ключи у него звякают. Открывает святой Петр свою книгу и советуется с графом насчет его земляков, кому из них дозволить войти в Царствие Небесное. Я тогда думала, что если про тебя все чисто написано в книге у графа, то, значит, все хорошо и в райской книге...

... Там, наверху, люди очень наивно думают: “Ну что мертвым толку от того, что им на могиле поставят крест?” Вот как они говорят. “Да ничегошеньки! Ничего в этих крестах нет, тщеславие одно да деньги на ветер”. Если б они только знали! Но до них не доходит, пока их самих в церковь не снесут, а вот тогда уже бывает поздно. Если бы они понимали там, наверху, что здесь крест на могиле даже грязноному роду может добавить уважения, то не были бы к нам так невнимательны, как обычно...

А когда же надо мной поставят крест? Конечно, Патрик меня не подведет, он же честно обещал: “Будет до конца года и даже раньше того, – говорит. – Как же не поставить, это же неблагодарность с нашей стороны – после всего, что ты сделала...”

Крест из Островного мрамора, а на нем надпись по-ирландски... Ирландский язык – это самое возвышенное, что только может быть на крестах... Ну и красивые цветы...

А я Патрика часто предупреждала: “Я тебя растила в ласке, всегда содержала дом в чистоте и порядке. Хоть видит Дева Мария, что это было совсем непросто. Я никогда не рассказывала тебе о невзгодах, что вытерпела после смерти твоего отца, и никогда ничем не попрекала. Частенько хотелось мне прикупить немного свинины, чтоб добавить вкуса кочану капусты, или изюму добавить в пирог. Или зайти к Пядару Трактирщику, когда у меня в горле пересыхало от пыли из-за постоянных уборок, да и заказать у него полстаканчика из тех золотых бутылок, что подмигивали мне с витрины всякий раз, что я проходила мимо... Но, Патрик, кровиночка, я ни-ни. Откладывала каждый пенни... И мне бы не хотелось потешить Нель или Мэг, дочку Бриана Старшего, тем, что меня плохо похоронят. Найди мне Участок За Фунт и воздвигни надо мною крест из Островного мрамора. Поставь его самое большее через год после моих похорон. Я знаю, что это не бесплатно, но Бог тебя вознаградит...”

И не иди на поводу у своей жены, если она станет брюзжать насчет расходов. Она тебе жена, а я родила тебя на свет, Патрик. Никогда я тебе не доставляла хлопот, разве что в этот раз. Придется тебе со мной повозиться. Прошу тебя, уж ты не доставь Нель удовольствия...”

И после всего этого он не похоронил меня на Месте За Фунт. Жена... Или жена и еще одна паршивая гадина – Нель. Но Патрик тоже умеет упрямыться, если ему надо. Этот крест он мне обещал...

Интересно, а что за похороны у меня получились? Так и не узнаю, куда следующий знакомый покойник не явится. Пора бы уже кому-нибудь помереть. Бидь, Сорхина дочь, была совсем плоха, но вроде еще не при смерти. Есть еще Мартин Ряба, Бергла Черноног и Бридь Терри, ну и, разумеется, сам мерзкий зудила Бриан Старший, пронеси мимо, Господи, его мешок с костями... Томас Внутрях тоже, по-хорошему, мог бы и преставиться от дождя, что поливает его сверху. Если Патрик последует моим советам, на Томаса скоро обвалится собственная хижина...

Жена моего сына пожалует к нам после следующих же родов, как пить дать. Нель сильно страдает после того, как Пядар покалечился, и ревматизм у нее, у заразы, но пусть даже так, он ее не убьет. Ее-то саму послушать, она что ни день одной ногой в могиле, только вот некоторых не убьют и семь казней египетских. Чтoб ни одно тело на кладбище вперед нее не оказалось... Уж не знаю, приходили ли еще с тех пор письма с Америки. Опасаюсь я, что Нель летит теперь к завещанию Баб на всех парусах. Если бы мне только прожить еще хоть несколько лет...

Баб всегда была привязана ко мне больше, чем ко всем прочим, еще когда мы давным-давно скотину пасли на Выгоне, маленькими девочками... Вот бы она ненароком подумала поставить крест над моей могилой, как брат Норы Шонинь поставил над Норой...

– ...Ты думаешь, это Война двух иноземцев?..

– ...Эти трепачи вечно заводят свое всякий раз, как человеку хочется тишины и покоя. Что за дурацкие речи у них там, наверху: “Теперь она дома, будут ей отныне мир и покой, и сможет она выбросить из головы все, что тревожило ее в этом мире, теперь, в грязи кладбищенской”... Покоя! Покоя! Покоя!..

– ...Если вы изберете меня депутатом, обещаю вам, что направлю все усилия, какие может приложить всякая мужчина – то есть я хотела сказать, всякая женщина – на благо культуры и развития просвещенного общественного мнения...

– Муред! Муред! Эй, Муред!.. Слыхала, что сейчас сказала Нора Шонинь?.. “Если вы меня изберете”... Я лопну! Я лопну!..

5

– ...“Как-то Томас Внутрях вдруг удумал жениться.
Может всяко случиться, если выпить чуть-чуть...”

– ...Разве не смешно, Доти... Томас Внутрях. Его так всякий называет. Он вечно сидел внутри, в своей хижине у нас в деревне, да так никогда и не женился. Теперь он уже совсем старик. Из живых-то у него никаких родственников нет, кроме вот Катрины и Нель Падинь. Дьявол меня побери, чтоб я знала, как бы тебе покорооче ответить, дорогая, в каком именно родстве он с Нель и Катриной, хотя я об этом часто слышала, понимаешь ли...

– Двоюродные племянницы, Муред. Падди Меньшой, отец Катрины, и Томас Внутрях были двоюродные братья...

– “ ... У меня есть земля и тепленький домик...”

– Полоса Томаса Внутряха лежала на границе с Нель, и для нее это значило куда больше, чем для Катрины, потому что у той земля была гораздо дальше и надел большой, ведь она...

– “ ... Двое родичей есть, чтобы ренту платить...”

– Катрина вечно зудела Томасу, чтобы тот переселился жить к ней в дом, – и не просто чтобы забрать его землю, а чтобы помешать в этом Нель...

– Ой, Муред, да я же сама видела, как она изводила этим Патрика...

– И хоть бы у Патрика у самого урожай десять раз в меже сгнил, она все равно донимала его, чтоб тот шел и помогал Томасу...

– А Катринин Патрик – человек порядочный...

– И прекрасный сосед, сказать по правде...

– Он никогда и не зарился на землю Томаса Внутряха...

– А иногда шел туда не по собственной воле, а просто чтобы сохранить добрые отношения...

– “ ... Сын Нель строить стены из камня старался...”

– ...Пожалуй, ничего смешнее я в жизни не видел...

– Я бы сказал, что вряд ли ты видел чего смешнее...

– Да ты и вполонину такого не видал...

– Уж я-то повидал достаточно...

– Если б ты жил с ними в одной деревне...

– Я жил к ним достаточно близко. А чего не видел, то слышал. Разве не о них весь белый свет судачил?..

– Вряд ли найдется в наших двух деревнях хоть кто-то, кто не потешался бы над ними с утра до ночи. Расскажи я тебе, ты и половине не поверишь...

– Поверю, чего там. Почитай каждую пятницу, как забирали пенсию, мы с Томасом Внутряхом заходили к Пядару Трактирщику пропустить по стаканчику, так он мне пересказывал все вдоль и поперек...

– Ты потише говори-то, знаешь ведь, что Катрину Падинь недавно похоронили. На Участке За Пятнадцать Шиллингов. Пожалуй, она тебя слышит...

– Вот и пускай слышит. Пусть все они на своих Участках За Пятнадцать Шиллингов слышат что угодно. Они там сами по себе, у них свои песни. Можно подумать, мы тут дрянь какая-нибудь...

– А все же не хотелось бы, чтоб Катрина слышала. Все-таки мы с ней всю жизнь прожили в одной деревне, и она в самом деле была хорошей соседкой. Разве что люто ненавидела свою сестру Нель. А вот Томасу Внутряху прок выходил от их распрей...

– Он частенько мне об этом рассказывал за стаканчиком...

– Знаешь, вот как встанет Катрина с утра пораньше и пойдет выгонять скотину на дальний конец деревни, так нарочно сделает крюк, только чтобы пройти мимо хижины Томаса: “Как поживаешь, Томас? Да, вижу, две твои плетенки для торфа совсем развалились. А у нас, думаю, как раз две такие лежат где-то дома. Мы ими больше совсем и не пользуемся, Патрик плел корзинки на днях и сделал пару новых...”

И вот Томасу корзинки.

Стоит только Катрине отправиться дальше на Верхний торфяник, глядь – оттуда идет Нель: “Как ты себя чувствуешь, Томас? Сдается мне, штаны у тебя совсем плохи. Очень бы надо на них пару заплаток... Только вот я не знаю, стоит ли: они совсем износились. А у меня как раз по случаю дома пара чистых, крепких – почти как новые, их и не носили совсем. Шили для Джека, но у того ноги слишком тонкие, и он их даже дважды не надевал...”

И вот Томасу штаны.

– Так ведь он мне сам то же рассказывал...

– В другой день опять приходит Катрина: “Как ты сегодня, Томас? Вижу, у тебя ограда в огороде на землю упала. А ослы у нас в деревне ужасная напасть, Томас. Да, так-то. И особенно когда их не привязывают изнутри к загородке. Старый осел у Проглота, еще у Придорожника довольно вредный, но хуже и зловредней всех осел у Нель. А он у нее бродит где хочет. Конечно, не под силу гонять ослов бедному старому человеку вроде тебя. Право слово, у тебя и без того забот хватает. А мне надо сказать Патрику, что у тебя изгородь повалилась...”

И вот Томасу Внутряху новая изгородь...

– О, ну точно. Он ведь сам мне про это рассказывал...

– Заходит Нель: “Как ты сегодня, Томас? Немногого же ты добился на этом поле, помоги тебе Бог. Честное слово, ты его почти и не засеял, только крошечный уголок, а тебе и осталось-то всего две недели. Конечно, нелегко человеку управиться в одиночку. Теперь уже поздно сажать картошку. Ведь уж первый майский день на дворе! Как обидно, что эти – это я про семью Катрины – не уделили тебе ни дня, а сами закончили сеять уже две недели как. Надо мне сказать Пядару зайти к тебе завтра. Нет лучше места для нас обоих до конца наших дней, Томас, чем где-нибудь в уголке у очага...”

И вот на поле Томаса Внутряха закончили сажать картошку...

– Ты думаешь, он сам бесперечь мне об этом не рассказывал?..

– И все равно никто по правде не знает, как все было, кроме тех, кто жил с ними рядом, в одной деревне...

– Катрина всегда особенно старалась перетащить его к себе в дом, только черта лысого у нее получилось. Говорю тебе, Томас Внутрях был не лыком шит. Даже если его кто пытался провести...

– Ты правда думаешь, я этого не знаю?..

– Никто, кроме тех, кто жил с ними в одной деревне, по правде этого знать не может. Томас Внутрях был привязан к своей лачуге, как король к своей короне. Если бы он переехал к любой из сестер, другая бы точно от него отвернулась. И уж точно любая из них потеряла бы к нему всякий интерес быстрее быстрого, стоило ему только расстаться со своей полоской земли. Вот он и не расставался. Старый он лис, Томас Внутрях...

– Думаешь, я сам этого не знаю...

– Вот именно, что не знаешь. И никто не знает, кто не жил с ними в одной деревне. Но всякий раз, стоило ему немного выпить – в праздник, или в пятницу, или в любой другой день, – тут уж начиналось настоящее веселье. Особенно когда он втемяшил себе в голову жениться.

– Дьявол побери твою душу, ты что же думаешь, я редко такое видел у Пядара Трактирщика, стоило Томасу чуть выпить?..

– Я с ним как-то встретился однажды, и вот уж тогда смеху-то было. Пять лет назад это случилось, за год до того, как я умер: “Женюсь, – говорит. – У меня добрый надел земли, полгинеи пенсии, и сам я еще силен да свеж. Дьявол побери твою душу, вот женюсь. Женюсь и все, голуба... Дай-ка мне бутылку виски, Пядар”. – Пядар был тогда еще живой. – “Только самого лучшего, и немедленно. Дьявол побери твою душу, вот сейчас же и пойду искать себе жену”...

– Очень хорошо помню тот день. Я вывихнул себе лодыжку...

– И вот входит Катрина и говорит ему шепотом на ухо: “Пойдем ко мне домой, Томас, а наш Патрик уж постарается поискать тебе жену. Только вы об этом немного потолкуете”...

Потом заходит Нель и шепчет ему в другое ухо: “Пойдем со мной домой, Томас, дорогой, у меня там уже немного мяса готово и капелька виски. А наш Пядар пойдет поищет тебе жену – сразу, как вы чуток перекусите”...

Томас нацелился посвататься к Норе Шонинь в Паршивом Поле: “Хоть она и вдова, – сказал он Нель и Катрине, – дьявол побери твою душу, никакой ее вины в том нету. Женщина она все еще моложавая. Дочери ее, что замужем за вашим Патриком, Катрина, и вовсе не больше тридцати двух – тридцати трех. Так что мать ее для меня по-прежнему резвая кобылка”. Вот так и говорил, честное слово. Ты-то про это знал?..

– Какого же дьявола ты думаешь, что я про это не знал?..

– Да ну, с чего бы тебе про это знать, если ты не жил с ними в одной деревне?..

Их счастье, что у Томаса была всего одна хижина, не то они бы разорились, перекрывая ему кровлю. Семь раз поищи – не найдешь под небом дома, куда уходило бы столько соломы, сколько на этот. Катринин Патрик перестилал северную сторону крыши от щипца до щипца каждый год. Патрик – отличный кровельщик. Осокой он ее крыл. И притом не самой худшей. На эту сторону больше не понадобилось бы ни соломинки лет четырнадцать-пятнадцать. А на следующий год приходил Пядар, сын Нель, с лестницей и с колотушкой. Поднимался на северную сторону... И как думаешь, что он делал с той крышей, которую Патрик настилал год назад? Сбрасывал вниз и так и раскидывал валяться по всей улице. Не сойти мне с этого места, если я тебе соврал хоть словом. Ни единого стебелька не оставлял из той осоки, что настилал Патрик между двумя щипцами, все скидывал.

“Скоро на тебя сверху начнет капать, Томас”, – говорил он. Клянусь Святой Книгой, я сам слышал, как он это сказал. “Прошлогодняя кровля никуда не годится. Интересно, как она хоть каплю сверху удержала. Это же наполовину размякший вереск. Хочешь – сам посмотри. Он, должно быть, не сильно старался, когда нарезал, стоял на твердой земле. А если тебе нужна осока, придется зайти поглубже в болото и замочить ноги. Погляди-ка на мою осоку, что я собрал на самой середке Рыжих топей”...

И крыл обе стороны дома, да хоть бы и так, только работа-то была неряшливая. Сам дьявол не сделал бы халтурней! Она и трех лет не выдерживала. Просто беда...

– Ты вот, пока рассказываешь, небось думаешь, что я про это не знаю...

– Да никто про это и слухом не слыхивал, кроме тех, что жили с ними в одной деревне...

В другой раз я увидел их обоих возле дома, Катринино Патрика и Пядара Нель. Патрик стоял с северной стороны, у него была лестница и колотушка. Пядар – с южной, у того лестница и колотушка были свои. И вот попробуй назвать работой то, что они делали. Нелегко им приходилось. Томас Внутрях взгромоздился на большой камень у ближнего щипца, потягивал

трубочку и поддерживал беседу с обоими одновременно. Я проходил мимо и присел на камень рядом с Томасом. А шум такой, что и пальца у себя в ухе не услышишь, если воткнешь, – из-за этих двух колотушек.

“Что думаете, – говорю я, – может, одному из вас лучше перестать стелить и пойти подсобить другому, если Томас вам здесь не помощник. Или так, или по очереди, чтоб один крыл, а другой помогал...”

“Рот закрой, – говорит Томас. – Ты что, дьявол побери твою душу, они ж идут ноздря в ноздрю, дай им Бог здоровья! Оба прекрасные кровельщики. Я вот не вижу у одного над другим преимущества, ни в дюйм, ни в ноготочек”...

– Тебя послушать, так всякий думает, что я ничего про это не знаю...

– Да ты в самом деле и понятия не имеешь...

– ...“Сын Нель строить стены из камня старался,

Сын Кэти по крышам мастером был...”

– ...“А Томас Внутрях все над ним насмеялся,

Ведь Патрик всегда его ренту платил”...

– Не платил! Не платил он! Нет! Эй, Муред. Муред. Я сейчас лопну! Лопну я...

6

- ...Могильщик! Такого олуха еще поискать...
- Интересное дело, Катрина. Если у него есть карта, что же он не может отличить одну могилу от другой...
- К Богу в рай тебя с твоей дурацкой картой! В этой его глупой карте не больше толку, чем в том, как Житель Восточной Окraiны делил землю щипцами по золе во время “нарезки”⁴⁷.
- И все же, Катрина, я сохранил свой надел на окраине деревни, хоть всякий встречный-поперечный старался присвоить его себе. Нет лучше места, чтобы откармливать скотину...
- Слыхали, как этот слепень опять разжужжался?..
- Все-таки странно, Катрина. Если покойники похоронены не в тех могилах, почему же никто об этом не заявит... Не напишет в *гавермент*⁴⁸, не расскажет священнику или Рыжему Полицейскому...
- Ой, упаси Господь от твоего *гавермента*! У нас такой *гавермент*, с тех пор как выставили вон всех людей Гриффита...
- Да ты брешешь...
- А ты еще больше...
- Не говорил ли Бриан Старший: “Они их там рассовывают по могилам куда ни попадя, точно они не люди, а рыбы потроха или ракушки улиточные”...
- Ох, мерзкий зудила...
- Если у тебя над могилой нет приличного креста, так, чтоб она была достойно отмечена, не пройдет и дня, как ее кто-нибудь раскопает...
- Надо мной скоро будет крест. Крест из Островного мрамора, такой же, как над Пядаром Трактирщиком и над Джуан...
- Крест из Островного мрамора, Катрина...
- А какой-нибудь деревянный крест они тебе не поставят, а, Катрина?..
- Да они вылетят за ограду на следующий же день...
- Думаешь, в этом виноваты те, кто продает другие кресты?..
- Ну конечно, кто же еще. Всяк льет воду на свою мельницу. Кабы можно было ставить деревянные или цементные, на такие вот не было бы никакого спроса. Тогда всякий мог бы сам сделать себе крест...
- По мне, так лучше лежать совсем без креста, чем надо мной поставят деревянный или цементный...
- Твоя правда. Я бы со стыда померла...
- Это все *гавермент* тому причиной. Они собирают налоги с денег на другие кресты...
- Врешь ты все, это работа другого *гавермента*, который еще раньше...
- Хуже нет – хоронить своего сородича рядом с чужеземцем...
- Кости к костям, ясное дело...
- Вот тебе и *гавермент*...
- Ты врешь...
- Я слыхал, в прошлом году они положили сына Томаса Портного поверх Тюни, сына Микиля Тюни...

⁴⁷ Система нарезки земли пришла на смену старым общинным владениям, когда поля делили между несколькими арендаторами, которым доставались внаем (*ирл. gundáil, англ. gundale system*). При новой системе землепользования землю нарезали индивидуальными полосами, которые пролегли от побережья до границы болот или общественных пастбищ.

⁴⁸ Гавермент – правительство (*искаж. англ.*).

– О, как бы мне встать да стряхнуть с себя убийцу! Еще один потомок Одноухих, что меня зарезали...

– Я был на похоронах иудея в нашей деревне в прошлом году. Его положили поверх могилы Донована Ткачика из Сайвиной Обители. Никто и не знал, что они копают могилу не в том месте, откуда не открылся гроб... Всему свету известно, что я правду говорю, потому как я сам там присутствовал...

– Твоя правда. Нам ли не знать, что ты прав. Для Поэта они копали аж четыре могилы, а в конце концов положили его сверху прямо на Куррина...

– Разрази его дьявол, как же он меня утомил своими дурацкими стихами. Да чтоб его черт уволок. Не мог пожить еще немного, пока надо мной крест не поставят...

– Ох и бесстыжий, мерзавец...

– Вот не знаю, не собирается ли моя там, дома, отдать все мое большое хозяйство старшему сыну...

– А что ты скажешь на то, что жену Микиля, сына Кити из Баледонахи, едва не похоронили над Джуан Лавочницей? У Джуан на могиле в ту пору креста не было...

– О, Джуан, бедная...

– Джуан, бедняжка, как ты, должно быть, маялась...

– Я на нее так сразу и крикнула, чтоб убиралась от меня на Участок За Полгинеи или За Пятнадцать. Не хватало мне еще, чтобы на мне дармоеды лежали... Этот ее запах крапивы меня просто жизни лишает...

– А на тебе они тоже кого-нибудь пытались похоронить, Кити?..

– Да какую-то мелкую дрянь из Сайвиной Обители. Я даже ни саму ее не знаю, ни ее семью. Клянусь дубом этого гроба, я отправила ее прочь сию же минуту! “Совсем плохо мое дело, если в конце концов нищие из Сайвиной Обители будут лежать со мной в кладбищенской грязи”, – так я сказала...

– *Оныст!* Они и мою могилу тоже раскопали. Какая-то женщина из Старого Леса. “Ух, – говорю, – каких-то грубых, неотесанных дикарей из Старого Леса класть со мной в одну могилу! Нет бы кого-нибудь, в ком есть хоть капля культуры!..”

– Ой! Вы слышали? Сучка с Паршивого Поля, где лужи, порочит людей из Старого Леса? Ой, вы только послушайте! Я сейчас лопну!..

7

– ...Я упал со стога овса...

– ...Сохрани и спаси нас, Господи, на веки вечные! Жаль, что они не отнесли мои бранные останки на восток от Яркого города... Там заходящему солнцу не придется скользить и склоняться, чтобы коснуться меня. Восходящее солнце не будет появляться, как бедная нищенка на дороге, что в первый раз вышла просить милостыню, не решаясь от стыда показаться из-за темных очертаний холмов и скал. Луне не придется следить за каждым своим шагом среди невозможного смешения бугров, пригорков и заливов, если она возжелает выйти и поцеловать меня. Я расстелю перед ней бескрайнее раздолье равнины, будто разноцветный ковер. Дождь не станет метать свои капли, словно бродячий разбойник стрелы на крутой горной тропе, но пройдет с торжеством королевы, чье присутствие среди подданных олицетворяет власть закона и благоденствия...

– Доти! “Сантименты”!

– Опять эта дурь...

– ...Посмотри вот на меня, убийца подсунил мне отравленную бутылку...

– ...Подошел я к “Плазе” к семи... И она пришла. И улыбка у нее опять такая ясная. Взяла шоколадки. Фильмы... Да она уже видела ту фильму в “Плазе” – она все фильмы в городе пересмотрела. Прогулка или танцы... Да она и без того на ногах в букмекерской конторе с самого утра... Чай... Да она ведь только что от него оторвалась. “Западный отель”... Вот это дело, короткий отдых ей пойдет на пользу...

“Вина”, – сказал я официанту.

“Виски”, – сказала она.

“Два больших виски”, – говорю...

“Еще два больших виски”, – говорю...

“Нет у нас больше виски, – говорит официант. – Знаете, сколько виски вы выпили с семи часов? Двенадцать больших порций на каждого! Виски уже не хватает...”

“Стаут”, – говорю я.

“Бренди”, – говорит она.

“Знаете, – говорит официант, – уже давно больше часу ночи. И даже если вы сами из гостиницы “Вестерн”, вы обязаны быть осторожней. Может быть полицейская облава”...

“Я провожу тебя домой”, – сказал я, когда официант закрывал за нами дверь “Западного отеля”.

“Ты проводишь меня домой? – говорит она. – Куда больше похоже, что это мне тебя провожать. Возьми себя в руки, а не то выпадешь из окна. Ничего не соображаешь, да? А я вот очень хорошо соображаю, хоть и выпила здоровенных бренди намного больше твоего. И не подумаешь вовсе, что я хоть каплю выпила, правда?.. Осторожно, не врежься в этот столб... Иди прямо. Дай-ка я возьму тебя под руку и доведу до самой двери. Может, зайдем еще в паб Симона Алварана по дороге и выпьем еще чуть-чуть. Сегодня жалованье выдают, так что они до утра не закроются”...

Я сумел посмотреть на нее в уличных сумерках. И улыбка у нее была все такая же ясная. Но я сую руку в карман, а затем достаю. И вижу, что остался у меня всего один шиллинг...

– Дуралей...

– Клянусь душой, как говорится...

– ...Скажу тебе, как на духу, Пядар Трактирщик. Пришла ко мне Катрина Падинь. Я это хорошо помню. Было это под конец года, в ноябре. В тот год мы удобряли к зиме Рапсовое поле. Микиль как раз в тот день разбрасывал водоросли. Я ждала ребят из школы с минуты

на минуту, так что достала корзинку картошки, какую испекла для них в золе. Потом села в уголке у очага и стала штопать пятку на чулке.

“Бог в помощь”, – говорит она.

“И тебе, – отвечаю. – Добро пожаловать, Катрина, садись”.

“Я ненадолго заглянула, – говорит она. – У меня полно дел. Скоро приедет священник, дней через девять-десять свалится мне на голову, так что топтаться вокруг да около мне резону нет, Кити, – говорит. – Вы продали свиней на последней ярмарке, а мы своих не продадим до самого Дня святой Бригиты⁴⁹, если только они, Бог даст, у нас останутся. И с твоей стороны было бы большим одолжением дать мне займы один фунт денег. Я собираюсь починить трубу и подумываю купить *раундтайбл*⁵⁰, чтоб священник завтракал⁵¹. У самой у меня уже есть два фунта...”

“*Раундтайбл*, Катрина? – говорю я. – Так ведь *раундтайбл* здесь вовсе никто не держит, разве что очень большие люди. Священник не может, что ли, поесть с нормального ирландского стола, как это обычно у священников и водится?”

“В последний раз, когда он был у Нель, ему подали серебряный чайник, который Брианова Мэг привезла из Америки. Я возьму займы серебряный чайник у Джуан Лавочницы, Кити, чтоб идти с Нель ноздря в ноздю, и даже на ноздю впереди нее, бесстыжей выскочки!”

Дала я ей фунт. Купила она *раундтайбл*. Вещи в то время были дешевы. Накрыла на нем завтрак для священника и подала ему чай в серебряном чайнике Джуан Лавочницы.

Клянусь дубом этого гроба, я дала ей фунт, Пядар Трактирщик, и не видала его с того самого дня и до дня моей смерти, уж не знаю, что там с серебряным чайником Джуан Лавочницы...

– Ты брешешь, ведьма, Печеная ты Картошка. Не верь ей, дорогой Пядар. Я вернула ей все до последнего пенса, лично в руки, когда продала свиней на следующий праздник святой Бригиты. Куда же ты его подевала? Такая твоя натура. И мать твоя нечасто говорила правду... Я умерла чистой, как стеклышко хрустальное, слава тебе, Господи... Никто не сможет сказать, что Катрина Падинь задолжала ему хоть фартинг после смерти, а вот о тебе этого не скажешь, Кити Печеная Картошка... И сама ты, и вся твоя семья оставили после себя повсюду кучу долгов. Хватает же тебе наглости рот открывать! Так что кто бы говорил! Ты и себя, и семью свою извела этой печеной картошкой... Ох, не верь ей, Пядар... Не верь ей... Я отдала ей все до последнего пенса, прямо в руки... Что, не отдавала, ведьма? Не отдавала, да?..

Эй, Муред... Муред... Ты слышала, что сказала Кити?.. Я лопну! Лопну!..

⁴⁹ День святой Бригиты – 1 февраля, в Ирландии традиционно считается началом весны.

⁵⁰ Раундтайбл – круглый стол (*искаж. англ.*).

⁵¹ Если священник служил мессу в частном доме, хозяева были обязаны приготовить священнику угощение.

Интерлюдия номер три Грязь истощенная

СТАРЫЙ УЧИТЕЛЬ

1

Я Труба Кладбищенская. Пусть услышат голос мой! Он должен быть услышан...

Ибо я всякий голос, что был, что есть и что будет. Я была первым голосом в бесформенности Вселенной, и я же последний голос, что будет слышан в грохоте всеобщего разрушения. Я была голосом первого зародыша в первой утробе. В час, когда золотой урожай собран в закрома, я тот голос, что призывает последнего жнеца домой с Полей Времени. Ибо я первенец Жизни и Времени – и управитель их хозяйства. Я есть жнец, сбиратель и молотильщик Времени. Я же хранитель, экононом и ключник Времени. Слушайте мой голос! Пусть услышат его...

Нет на кладбище ни жизни, ни времени. Нет ни света, ни тьмы. Нет ни заката, ни прилива, ни смены ветров, ни перемены погоды. И не длится день, и не выходят Плеяды и Плуг⁵² на смену друг другу. И ничто живое не покрывает себя здесь одеянием радости и праздника. Здесь не найти ни живых глаз детства, ни простодушного цветения юности. Ни тронутых румянцем щек девы, ни мягкого голоса вразумляющей матери, ни невинной улыбки старца. Глаза, стремления, щеки, голоса и улыбки – в неприхотливой реторте почвы все сплавляется в единую рыхлую неразличимость. У облика здесь нет голоса, а у голоса нет облика, ибо в безучастной химии могилы нет ни облика, ни голоса, а лишь крошащиеся кости, гниющая плоть и части тел, некогда живые, а ныне объятые распадом. Здесь нет ничего, кроме платяного шкафа земли, скрывающего платье жизни, источенное молью...

Но над землей жаркое марево легко парит в воздухе. И полный прилив бьется в протоках земных вен. Трава крынкой зеленого молока разлита по лугу. Кустарник и зеленые изгороди, словно фрейлины, примеряют свои наряды, перед тем как появиться перед королем. Дрозд поет свою тихую задумчивую песнь в саду. Широко распахнутыми глазами смотрят дети и сжимают игрушки, выпавшие к ним из ящика с сокровищами едва народившегося года. Факелом, возрождающим надежды, пылают щеки мужающих юнцов. Наперстянкою, какую можно собрать на лугах вечности⁵³, робко рдеют щеки юных девушек. Цвет боярышника пенится белизной в нежном лице матери. Дети играют в прятки на гумне, их смех разливается звоном колокольчика, а звуки их голосов летят то выше, то ниже, стремясь отыскать лестницу Иакова и спустить ее с небес. И неясный шепот влюбленных рвется на свободу с уединенных тропинок, словно нежный ветерок, проносящийся над цветниками примулы в Стране вечной молодости⁵⁴...

Но старческая дрожь становится неизбывной. Кости юноши дряхлеют. Седина тускло светится в золоте женских волос. Бельма змеиной шкурой туманят яркий глаз ребенка. Крик и вздохи изгоняют беззаботность и веселье. Отчаянье берет верх над любовью. Для пеленки уже есть саван, для колыбели – могила. Жизнь платит свою дань смерти...

Я Труба Кладбищенская. Пусть услышат голос мой! Он должен быть услышан!..

⁵² Плеяды и Плуг – одно из традиционных в Ирландии названий созвездия Большой Медведицы.

⁵³ Наперстянка в ирландском фольклоре считается растением, связанным с иным миром.

⁵⁴ Страна вечной молодости (Tíg na nÓg) – в ирландских легендах и сказках фантастическая страна, бессмертные жители которой остаются вечно молодыми.

2

– ...Эй, кто здесь? Ты жена моего сына? Все же верно я сказала, что она будет здесь после следующих же родов...

– Шонинь Лиам, так меня звали раньше, а теперь, наверно, должны опять перекрестить. Сердце...

– Шонинь Лиам. Божечки! Они похоронили тебя не в той могиле, Шонинь. Это могила Катрины Падинь...

– Ой-ёй, да разве не всегда так делают на этом погосте, дорогая Катрина. Но ни с единой живой душой я говорить не могу. Меня кое-что беспокоит. Сердце...

– Что за похороны у меня были, Шонинь Лиам?

– Похороны? Сердце, Катрина! Сердце! Я только-только забрал пенсию. Ничегошеньки не почувствовал. Выпил капельку чая. Пошел на Общее поле набрать корзину картошки. И когда выкладывал ее дома, веревочная ручка выскользнула у меня из пальцев, корзинка опрокинулась вверх дном. У меня немного закололо в боку. И дышать стало совсем нечем...

– Что за похороны у меня были, спрашиваю?

– Сердце, спаси нас, Господи! Сердце – серьезная штука, Катрина. Слабое сердце.

– К черту твое сердце! Тут тебе надо отучаться молотить чепуху.

– Будь я проклят, но сердце – такая тонкая вещь, Катрина. Мы вот строили новое стойло для жеребчика, что купили после Рождества. Почти все закончили, кроме крыши. Я-то не мог толком помочь своему малому, самую малость если. Но он все равно был рад. Тебе, может, и неважно, только погода в последнее время стояла прекрасная...

– Погода! Время! Ни о чем таком тебе здесь беспокоиться незачем, Шонинь Лиам. Всю свою жизнь ты был бездельником. Ты мне вот что скажи! Чего ты меня не слушаешь? У меня были большие похороны?

– Славные большие похороны!

– Большие похороны, говоришь, Шонинь?

– Славные большие похороны. Сердце...

– Пусть дьявол и бесы разорвут твое сердце, если это такое сокровище! Ты меня слушаешь или нет? Я тебе точно говорю, здесь таких речей слушать не будут... Много мне собрали алтарных денег?

– Славные большие похороны...

– Это я знаю. Алтарь какой?

– Алтарь большой, славный...

– Какой алтарь, говорю. Ты всегда был бестолочь. Сколько собрали алтарных денег?

– Пядару Трактирщику много собрали, и Джуан Лавочнице, и Муред Френшис, и Кити...

– А то я не знаю. Я не об этом спрашиваю. Я что, сама на земле не жила? Сколько собрали на мои собственные похороны, мне, Катрине Падинь. Алтарь. Семнадцать фунтов? Шестнадцать фунтов? Или четырнадцать фунтов?..

– Десять фунтов двенадцать шиллингов.

– Десять фунтов! Десять фунтов! Ну-ка, Шонинь, скажи, ты уверен, что там было десять фунтов? Не одиннадцать фунтов, не двенадцать или...

– Десять фунтов, Катрина! Десять фунтов! Славный, большой алтарь, честное слово. Накажи меня Бог, Катрина, если я хоть словом соврал. Славный большой сбор. Все так и сказали. Я говорил с твоей сестрой Нель. “У Катрины славный большой алтарь, – сказала она. – Я-то думала, что на него соберут два фунта, ну, три, самое большее четыре”. Сердце...

– Да понятно все уже с твоим сердцем, драть его эдак. Шонинь, прекрати молотить чепуху, ради Бога! Толпа с Холма была?

– С Холма! Да они об этом и не слышали. Патрик собрался было послать им весточку. “Ой, да ладно, – говорит Нель. – Стоит тебе дергать бедолаг-то, заставляя тащиться в такую даль”. Вот так и сказала. Сердце. Слабое сердце...

– Ох и жаль, что Господь Бог не накачал твое сердце ядом да не запихнул Нель прямо в глотку! А людей из Пастушьей Долины не было?

– Да ноги их там не было.

– А люди из Озерной Роши?

– Двоюродную сестру Джуан Лавочкицы из Озерной Роши снесли на кладбище в тот же день... Это, конечно, неважно, но погода все это время стояла прекрасная. Мы как раз заканчивали стойло...

– А Штифан Златоуст там был? Ой, горе горькое...

– Купили жеребчика после Рождества...

– Помилуй тебя Бог, Шонинь! Уж ты не давай повода всему погосту говорить, что у тебя отродясь ума не было!.. Был там Штифан Златоуст?

– Да нисколечко. Но Патрик сказал мне, что он с ним говорил – днем, на ярмарке. И будто тот ему сказал: “Уверяю тебя, Патрик О’Лидань, даже если б я весь кровью изошел, я б на похороны явился. Я ж обещал...”

– “... что приду на похороны Катрины Падинь, доберусь, даже если мне придется ползти на коленях, но клянусь тебе, я ничего не слышал о них до того самого вечера, пока не узнал, что ее уже похоронили. От какого-то малого...” Вот такое он трепло, Штифан Златоуст!.. А что за гроб мне приготовили?

– Десять фунтов, Катрина. Славный большой сбор...

– Это ты про гроб или про алтарь говоришь? Хорошенькое дело, ты что же, совсем не слушаешь? В какой гроб меня положили? Гроб...

– Лучший гроб в мастерской Тайга, три бочонка портера и потина⁵⁵ хоть залейся. Выпивки было вдвое против обычного. Нель так ему и сказала. Но он все равно взял три по полбочки. Уж конечно, выпивки было выше крыши. Я сам, хоть и старик уже, выпил в тот вечер двенадцать кружек. Не считая того, что выпил, когда тебя принесли в церковь, и в день похорон. Правду сказать, Катрина, при всем уважении, с каким я к тебе отношусь, я бы не рискнул столько выпить, кабы знал, что у меня слабое сердце...

– А ты не слышал, сказал ли Патрик что-нибудь насчет того, чтоб хоронить меня на другом участке?

– У меня немного закололо в боку, а потом дышать стало совсем нечем. Сердце, спаси нас, Господи...

– Оставь ты свои истории, Шонинь. Послушай меня. Ты не слышал, говорил ли Патрик что-нибудь насчет того, где меня хоронить...

– Уж без похорон-то тебя не оставили, Катрина, неважно, сколько выпивки там было. Даже я сам, хоть у меня слабое сердце и все такое...

– Свет не видывал большего олуха, чем ты, с тех пор как Адам съел яблоко! Ты слышал, не сказал ли Патрик, на каком участке погоста он собирался меня хоронить?

– Патрик собрался хоронить тебя на Участке За Фунт, но Нель сказала, что Участок За Пятнадцать Шиллингов кому хочешь сгодится и что нет нужды бедному человеку впадать в такие расходы.

– Сука! Так и сказала? Так она и в доме тоже была?

– Прекрасного крупного жеребчика купили после Рождества. Десять фунтов...

– Это за жеребчика вы отдали десять фунтов? Ты же мне только что сказал, что десять фунтов были сборы на алтарь.

⁵⁵ Потин (poitín) – ирландский картофельный самогон.

– Десять фунтов было на алтарь, это точно, Катрина. Десять фунтов двенадцать шиллингов. Без сомнения. Бриан Старший подтянулся, когда похоронная процессия подходила к концу пути, и хотел дать Патрику шиллинг, но Патрик не принял. А вот если бы принял, стало бы десять фунтов тринадцать шиллингов...

– Хорошо б этот шиллинг у него в глотке застрял! Бриан Старший! Как женщин искать, так этот мерзкий зудила не опаздывал... А теперь послушай меня, Шонинь Лиам. Послушай. Вот, молодец. Нель была в доме?

– Да она оттуда и не выходила. С той минуты, как ты умерла, и до тех пор, пока тебя не отнесли в церковь. Она единственная из женщин была в доме в день похорон. Я вернулся в комнату, чтоб набить пару трубочек табаку⁵⁶ людям с Паршивого Поля, а то они слишком робели зайти с улицы, и мы с Нель принялись разговаривать:

“Из Катрины прекрасная покойница, да смилуется над ней Господь, – говорю. – И обрядила ты ее замечательно...”

Тут Нель отвела меня в укромный уголок: “Ничего не хочу сказать, – говорит, – все-таки она была мне сестрой...” Вот честное слово, так и сказала.

– Ну, что же она сказала? Выкладывай...

– И когда я ее уже высыпал, дома, у меня в боку закололо, а потом вдруг стало нечем дышать. Совсем нечем! Сердце...

– Боже милосердный, спаси и помилуй! Вы с Нель стояли в углу комнаты, и она тебе говорит вот что: “Ничего не хочу сказать, Шонинь Лиам, она была мне сестрой...”

– Ну, честное слово, так и говорит. Не сойти мне с места, если не так было: “Катрина прилежно и тяжело трудилась, – говорит, – но не была такой чистоплотной, как другие люди, упокой, Господи, ее душу. Будь оно так, она бы лежала здесь гораздо красивей. Посмотри, какой грязный саван, Шонинь. Взгляни, что за пятна на нем. Какой стыд. Могла бы и выстирать свои погребальные одежды да отложить в сторонку. Если б она долго лежала, я не сказала бы и слова, а так каждый сразу заметил эти грязные пятна на саване. Чистота – великое дело, Шонинь...”

– Божечки! Мария, Матерь Господня! Я же их оставила чистыми, как стеклышко хрустальное, лежать в углу сундука. Это, должно быть, жена моего сына или детишки их испачкали. Или они – или те, кто выкладывал мое тело. Кто меня обряжал, Шонинь?

– Дочь Норы Шонинь и Нель. Посылали за Кать Меньшой, но она не пришла. Сердце, спаси нас, Господи...

– Какое еще сердце? Она же на спину жаловалась. Ты думаешь, раз у тебя сердце гнилое, так оно у всех гнилое. Почему Кать Меньшая не пришла?..

– Патрик послал за ней старшую дочку – не помню ее имени, а должен бы помнить, понимаешь. Но я скончался так внезапно. Сердце...

– Майринь ее зовут.

– Ты права, Майринь. Майринь, значит...

– Патрик послал ее за Кать Меньшой, да? И что она сказала...

– “Не пойду я больше никогда в ту деревню, – сказала. – Хватит с меня этого. Слишком долгий путь для меня. С таким-то сердцем”...

– Да не сердце, а спина, говорю я тебе. Кто меня оплакивал?

– Стоило уж было почти готово, кроме крыши. Я-то почти совсем не мог помочь парню, но все равно...

– И теперь ты ему тоже ничем помочь не можешь. Послушай меня, Шонинь. Вот, молодец! Кто надо мной плакал?

⁵⁶ По традиции на ирландских похоронах поминки предшествовали погребению, а табак и глиняные трубки делили между плакальщиками и гостями.

– Все сказали, какая жалость, что Бидь Сорха не пришла. Потому как если ей налить вдоволь портера...

– Божечки! Что же Бидь не явилась меня оплакать?

– Сердце.

– Сердце! Да с чего сердце-то? Бидь Сорха бесперечь на почки жаловалась, в точности как я. Что же она не явилась?

– Когда за ней кто-то пошел, она ему сказала так: “Да я к их дому больше и близко не подойду. Я для них все глаза выплачу, а мне от них какое уважение? Только “Бидь Сорха побитрушка и выпить любит за чужой счет. Да я вам точно говорю, вы от нее и звука не услышите, пока она глаза не зальет. Тогда-то она заведет на совесть, жалобно так”. Вот теперь пусть сами себе и плачут, коли желание есть. А я теперь не у всякого плакать буду”. Клянусь душой, вот так и сказала...

– Вот ведь стерва Бидь Сорха. Ну, я ей задам, когда она сюда явится. А Нель шушукалась со священником на похоронах?

– А священника там вовсе не было. Он пошел на похороны двоюродной сестры Джуан Лавочницы, потому что ему оказалось совсем рядом. Но он зажег восемь свечей...

– Такого ни с одним покойником еще не случалось, Шонинь...

– Только вот одну из них потушили, Катрина. Больно нагорело...

– Да чтоб у них у всех там нагорело!

– Зато он прочел целую кучу молитв, пять раз побрызгал святой водой на гроб – я такого никогда не видывал... А Нель сказала, что он вроде благословлял два тела сразу, ну, я уж не думаю, чтобы так...

– Эх, Шонинь, к чему же такое, дай ему Бог здоровья. Видать, большое удовольствие все это доставило Нель. Как там ее сын Пядар?

– Скверно, скверно. Сердце...

– Ну-ну-ну! Какое еще сердце, дьявол тебя побери! Не с сердцем, а с бедром у него было худо. Или с тех пор у него на сердце перешло? Еще лучше...

– Бедро, Катрина, бедро. Говорят, осенью пройдет суд в Дублине. Все говорят, что Пядар проиграет, а Нель и дочь Бриана Старшего останутся без гроша...

– Вот бы так и было! Дай-то Бог... А как там Томас Внутрях, что про него скажешь?

– Да я только забрал пенсию, выпил капельку чаю и пошел на Общее поле...

– Не боись, никогда ты туда больше не дойдешь ногами своими хлипкими... Послушай меня. Послушай, говорю тебе. Томас Внутрях.

– Томас Внутрях? Жив-здоров. На него едва хижина не обвалилась из-за того, что не было крыши. А Нель сразу побежала к твоему Патрику: “Как же тебе не стыдно, что ты оставил бедного старика мокнуть под дождем без крыши, – говорит. – Если бы с моим Пядаром не случилось всего этого...”

– И мой дурачок уступил этой суке...

– Он был сильно занят, но сказал, что накидает пару охапок там и сям в самых плохих местах, пока у него найдет время перекрыть всю крышу, как положено... Сердце...

– Это ты прав. Сердце. У Патрика сердце доброе. Слишком доброе... А ты ничего не слыхал насчет креста над моей могилой?

– Новый крест, ладный, из Островного мрамора, Катрина...

– Скоро?..

– Скоро, ну да...

– А жена моего сына?..

– Жена моего сына?.. А у моего сына нет жены, Катрина. Я ему сказал, когда новое стойло для жеребчика было готово, что лучшее дело для такого молодца, как он...

– Сходить к доктору насчет сердца, Шонинь. А то вдруг он подцепит от тебя эту заразу... Жена моего сына. Мой сын Патрик. Дочь Норы Шонинь. Теперь ты меня понимаешь?

– Понимаю. Дочь Норы Шонинь. Чуток приболела. Сердце...

– Врешь ты бессовестно. Не в сердце дело. Она больна?..

– Чуток приболела, Катрина...

– Вот уж дай Бог здоровья рассказчику! Это все я и сама знала. Думала, есть какие-то знаки, что она скоро заявится сюда, после следующих родов она здесь будет точно... Не слыхал ли ты каких разговоров про Баб?

– Баб ваша, которая в Америке. Написала Патрику по случаю твоей смерти и переслала ему пять фунтов. Никакого завещания еще не составила. Он мне сказал, что его старшую девочку – как же ее звать? Не помню имени, а должен бы помнить, понимаешь, но я ведь помер так внезапно...

– Старшая дочка Патрика – Майринь...

– Да-да, Майринь. Монашки откуда-то там хотят взять ее к себе, чтобы потом сделать из нее учительницу. Только ей надо будет еще немного подучиться...

– Майринь собирается стать школьной учительницей. Храни ее Бог. Ее всегда тянуло к книгам. То-то Нель облезнет...

– Наш единый кандидат на этих выборах...

– Сохрани нас, животворящий крест Господень! Только не говори мне, что у вас здесь тоже выборы, Катрина. У нас наверху недавно уже были.

– И как проголосовали наши земляки?

– У меня немного закололо в боку. Сердце...

– Ну ты погляди, опять свое завел! Слушай меня. Как наши земляки проголосовали?

– По-старому. Как же еще? Все в деревне проголосовали по-старому. Кроме семьи Нель. У нее в доме все проголосовали за тех, других...

– Не дай ей Господь благоденствия, заразе. Переметнулась. Всегда была предательницей...

– Говорят, та, другая партия пообещала ей новую дорогу прямо к дому. Да и правда, у нее теперь забот немного. Прямо молодеет. Никогда ее не видел такой свежей, как в день, когда тебя хоронили, Катрина...

– Пропади ты пропадом, сморчок старый! Вот никто из твоего рода ни разу слова доброго не умел сказать. Ни разу... Давай, проваливай. И вообще это не твоя могила... Погост с ног на голову встанет, если таких, как ты, начнут хоронить со мной в одной могиле. Пошел вон, на свой Участок За Полгинеи. Там тебе самое место. Гляди, сколько алтарных денег насобирали на мои похороны. Гляди, какой почет мне священник оказал. Твой гроб никогда не стоил ни на единый пенни больше пяти фунтов. Проваливай. Сам проваливай и сердце свое старое прихвати. Нахал какой. Никто из вас и слова доброго не умел сказать. Проваливай отсюда навсегда!

3

... Десять жалких фунтиков – вот и все мои алтарные деньги. После всего, что я пожертвовала на алтарь каждому старому бездельнику по всей стране. Никому на свете, ни живому ни мертвому, не стоит делать добра. Не пришли на мои похороны ни люди с Холмов, ни из Пастушьей Долины, ни из Озерной Роши. И, уж конечно, не пришел Штифан Златоуст, трепло такое. Ну ничего, им когда-нибудь аукнется, попадут они сюда...

Но как же все они могли прийти на мои похороны, если эта гадина Нель свила гнездо в ушах у Патрика и нашептывала никого не извещать о моей смерти. Да еще и обряжала меня, и выпивку раздавала на моих похоронах. Воспользовалась тем, что меня нет в живых, вот и управилась по-своему. Мертвец-то ничего уже не может поделывать...

Ну и ладно, что Кать Меньшая и Бидь Сорха не явились, им это еще боком выйдет. Ничуть не удивлюсь, если это Нель напела им в уши заранее, чтобы те больше ни ногой к нам в дом. Ведь наверняка так и сделала, зараза. А всякая, кто скажет, что я не отложила себе заранее чистого похоронного облачения... Пусть вперед всех прочих на кладбище и явится!..

А Баб послала Патрику пять фунтов. Ему и столько хорошее подспорье. Это задобрит дочь Норы Шонинь, и теперь она уже не сможет сказать, что одна-единственная истратилась на мой крест. Неплохой знак и то, что Баб нам писала... Если б только я могла прожить еще несколько лет и спровадить Нель в могилу прежде себя...

А то, что Майринь собирается стать школьной учительницей, это замечательно. Нель и Мэг, дочь Бриана Старшего, просто с ума сойдут: в нашем доме будет теперь учительница, а в их-то нет. Надеюсь, учительницы зарабатывают большие деньги. Я-то постоянно про такое слышала. Надо мне будет спросить у Старого Учителя, сколько зарабатывала его жена. Кто знает, может, у Майринь получилось бы учить в нашей школе, если, скажем, жена Старого Учителя уедет или с ней еще что случится. То-то мы отыграемся на Нель. Майринь будет приходиться поутру в церковь каждое воскресенье в шляпе, с парой перчаток, с зонтиком, а под мышкой у ней *Преер-бук*⁵⁷ размером с корзинку для торфа. Станет подниматься на галерею вместе с Сестрой Священника и играть на фортепьяно. Вот тогда-то Нель и Мэг, дочь Бриана Старшего, пусть себе зубы до корней сотрут от зависти, если, конечно, еще будут среди живых. Хотя, говорят, это от священника зависит, кого назначат учительницей. Если и так, то даже не знаю, что сказать. Больно уж Нель с ним дружна... Да только кто знает, может, он вскоре уедет или уйдет в мир иной...

И эта бестолочь, Патрикова жена, до сих пор хворает. Просто удивительно, что она еще не померла. Но после следующих-то родов помрет точно...

Жалко, что я не расспросила Шона Лиама про торф, и про сев, и про свиней, и про телят, и как там сейчас поживает лиса. Надо было его расспросить обо всем, что меня тревожило... Только какой смысл спрашивать человека о чем бы то ни было, если он сразу начинает болтать про старое сердце? Ну, теперь-то мне легко представится случай с ним поговорить. Наверняка проскользнул и затаился где-нибудь прямо здесь...

– ...Терпение, Колли. Имей терпение, послушай меня. Я писатель...

– Погоди, мил-человек, дай мне закончить мою историю. “Вот негодяй! – говорит Финн. – И как только ему в голову пришло оставить Нив Златовласую с несчастным своим отцом, особенно когда его ночи стали столь одиноки с тех пор, как Грайне, ветренная дочь Кормака, сына Конна, сбежала с Большим Маканом, сыном Черного Воина, из священных лесов Фианны⁵⁸...”

⁵⁷ Преер-бук – молитвенник (*искаж. англ.*).

⁵⁸ Колли рассказывает сказку по мотивам сразу нескольких легенд о подвигах Финна Мак Кумала и фениев – легендарных воинов древней Ирландии, путая сюжеты и персонажей.

– ...Самый сложный человек, с которым я вообще имел дело по линии страховки, – это Старый Учитель. Нет такой уловки, к которой я бы не прибегнул. Я заходил к нему и с юга, и с севера, и от солнечных морей, и от заснеженных гор, и с подветренной стороны, и с наветренной. И в клещи его брал, и в кольцо, и молотом бил, и копьём Кухулина, и взрывом атомной бомбы. Аки льстивый щенок – и аки тать в ночи. С полными кораблями людской добродетели – и с полным брюхом сатиры, достойной Брикриу⁵⁹. Я засыпал его приглашениями в гнездо Пядара Трактирщика. Даром давал ему сигареты и бесплатно возил на автомобиле. Приносил ему последние известия о намерениях школьных инспекторов и сплетни о шашнях между учителем и учительницей с Травянистого Нагорья. Я рассказывал ему соблазнительные истории о юных красавицах...

Но все без толку. Он опасался, что если подпишет у меня страховой полис, то его это разорит. И никто не мог убедить его расстаться хотя бы с фартингом...

– Ну, я смог...

– Смог. Вот и я смог тоже. Погоди. Он был самым отъявленным сквалыгой из всех, что когда-либо носили плащ. Он был таким ушлым, что мог бы пасти мышей на перекрестках, как говорится. Никогда в своей жизни он не решился ни на один безрассудный поступок, кроме единственной поездки в Лондон, когда учителя получили прибавку...

– Тот самый раз, когда он побывал в ночном клубе.

– Точно. И оставшуюся часть жизни провел, рассказывая мне об этом и предупреждая меня держать язык за зубами. “Лишь бы священник или Учительница не услышали об этом!” – говаривал он...

И вот он женился на ней – на Учительнице.

“Возможно, – сказал я себе, – мне удастся пробудить в нем теперь некое благородство. Учительница могла бы стать мне большим подспорьем. Если бы только удалось ее обольстить. А обольстить ее можно”. Нет на свете женщины, в которой не нашлось бы хоть немного тщеславия. Просто надо суметь его обнаружить. Я не провел бы столько времени, продавая страховки, если бы этого не знал.

– Я тоже это знаю. Женщинам легче продавать, чем мужчинам, лишь бы у тебя голова на плечах водилась.

– Пришлось дать ему некоторое время, чтобы новизна супружеской жизни немного поблекла. Но слишком много времени оставлять я ему тоже не хотел, потому что тогда он, пожалуй, уже не был бы столь восприимчивым к советам жены и начал бы проявлять безразличие к ее чарам. Страховщики это знают...

– И продавцы книг тоже...

– Я дал ему три недели. Настало воскресенье. Он и она сидели перед домом после обеда. “Ну вот и я, хитрец, – говорю я про себя. – Клянусь костями своих предков, сегодня я тебя пройму!.. Целая рабочая неделя и отметки, о которых ты вечно твердишь, все позади. Ты накормлен до отвала, жена рядом благосклонно настроена, а значит, сыграть с тобой в эту игру мне будет проще, чем в другой раз...”

Мы немного потолковали о делах Империи, и тут я сказал, что спешу. “Воскресный день или будни – мне едино, – говорю. – Всё в поисках пищи. Ищу, кого бы мне проглотить. Теперь, раз вы женаты, Учитель, супруга должна побудить вас взять полис на страхование жизни. Вы теперь ценней, чем раньше, на вас супружеские заботы”. “По-моему, – говорю я его жене, – он вас вовсе не любит. Вы просто служите его целям, а чуть только вы умрете, он тут же возьмет другую”.

⁵⁹ Брикриу – поэт и трикстер, мифический герой ирландских саг Уладского цикла, сеющий распри между легендарными воинами.

Оба от души рассмеялись. “И, – сказал я, – поскольку я страховщик, то обязан вам сообщить, что, если он скончается, у вас не останется никаких накоплений. Вот если бы у меня была такая “позолоченная ценная бумага”⁶⁰, как вы...”

Она слегка улыбнулась. “Да, – сказала она Учителю. – а правда: если, не дай Бог, с тобой что-нибудь случится...”

“Да что со мной случится?” – сказал он недовольно.

“Несчастные случаи – как воздух, они повсюду, – говорю я. – И долг страховщика постоянно напоминать об этом”.

“Вот именно, – сказала она, – я не знаю, что может случиться, Боже упаси. Если что-нибудь с тобой произойдет, я без тебя не проживу. Но не дай Господь, если ты умрешь, а я не умру в то же самое время... Что же со мной будет? Это твой долг...”

И хочешь верь, а хочешь нет: он сразу же подписал полис пожизненного страхования! Полторы тысячи фунтов. Он сделал только четыре или пять взносов, но взносы тоже солидные. А во время последнего взноса она наказала ему выплатить сто пятьдесят фунтов дополнительно. “Недолго он протянет”, – говорит она мне эдак беззаботно. И еще подмигнула.

А она оказалась права. Совсем немного времени прошло, и он преставился...

Я тебе расскажу про еще один трюк, который мне удался. Но он и вполтину не был так хорош, как со Старым Учителем.

– Ты провернул со Старым Учителем ту же шутку, что и Нель Падинь с Катриной насчет Джека Мужика...

– Обобожечки! Я сейчас лопну! Лопну я! Лоп...

⁶⁰ Позолоченная ценная бумага – облигации правительства Великобритании, а также долговые ценные бумаги, выпускавшиеся Банком Англии от имени Казначейства Его Величества. Такие особо ценные сертификаты имели позолоченный край.

4

Эй, Муред! Эй, Муред, ты слышишь? Они положили Шониня Лиама прямо поверх меня. Так все и было, Муред... Ой, да соображай же хоть чуток, Муред! А с чего бы мне позволять ему ложиться со мной в одну могилу? Мне вот никогда не приходилось собирать ракушки на продажу. А он и весь его род жили с ракушек, и об этом я ему тоже напомнила. Хотя я с ним поговорила совсем недолго, он меня чуть с ума не свел своими рассказами про старое большое сердце... Ты совершенно права, Муред. Если бы надо мной был крест, людям гораздо легче было бы распознать мою могилу. Но теперь-то уж скоро, Муред. Шонинь Лиам мне сказал. Крест из Островного мрамора, как тот, что над Пядаром Трактирщиком... Что, жена моего сына? Шонинь Лиам сказал, что после следующих родов она обязательно окажется здесь, это точно...

А ты помнишь, Муред, старшую девочку нашего Патрика?.. Да. Майринь. Ты права, Муред. Ей сейчас должно быть четырнадцать... Все верно. Она совсем еще махонькой девочкой была, когда ты преставилась. Она теперь в колледже. Шонинь Лиам мне рассказал... Чтоб стать школьной учительницей! А то зачем же! А как ты думаешь, Муред, что ее послали в колледж, чтоб учиться варить картошку и макрель, постель стелить или дом подметать? Это ее нерадивой засранке матери сгодилась бы такая наука, вот только нашелся бы подходящий колледж... Майринь всегда тянуло к учебе. У нее голова ого-го для ребенка ее лет. Она была намного впереди Учителюши – жены Старого Учителя – еще прежде, чем тот помер. В колледже нет никого, кто мог бы с ней сравниться. Так мне сказал Шонинь Лиам. “Очень далеко продвинулась в учебе, – говорит. – И год закончит раньше любого другого”. Да вот тебе слово, так и сказал, Муред... Да ну, Муред, об этом и толковать-то не стоит. И вовсе это не странно. С чего ты решила, что это странно, Муред? В нашем роду люди всегда отличались смекалкой и мозгами, и вовсе не потому, что я так говорю...

– ...Но я же тебя не об этом спрашиваю, Шонинь.

– Ах, Мастер, это все сердце! Сердце, спаси нас, Господи! Я шел за пенсией, и даже ничего не почувствовал... Да ну, Мастер, не раздражайтесь вы так. Ничего я с этим поделать не могу. Набрал корзинку картошки и когда ее выкладывал, у меня... Но Мастер! Я же вам ни слова не говорю, кроме правды. Конечно, сам я ничего про это не знаю. Но все, что я слышал, – люди говорят. А мне, жалость какая, есть о чем побеспокоиться. Корзинка выскользнула, перевернулась, и я... А что люди говорят, Мастер? У наших людей-то времени нет ничего говорить, Мастер. И слушать ничего нет времени. Вот мы строили новое стойло для жеребенка...

Что люди говорят, Мастер? Да вы же сами знаете, Мастер, человек с таким хорошим образованием, как у вас, храни вас Бог, – что некоторые люди прожить не могут без сплетен. А вот если у человека слабое сердце... А я разве вам не толкую, о чем они говорят, Мастер? Вы только потерпите немного и перестаньте на меня так крыситься. Это, конечно, неважно, но погода была прекрасная – все то время, пока мы строили стойло... Люди, Мастер? Они часто повторяют много больше, чем молитвы, Мастер. А вот если у человека слабое сердце, спаси нас, Господи...

Учительница, а? Да она краше прежнего, Мастер. Как есть молодеет, так-то вот. У нее, должно быть, сердце здоровое... А люди-то, конечно, болтали, Мастер. Зачем же мне врать, что не болтали. Но честно: и я, и парень мой были заняты на постройке стойла... Так что вы уж не крысьтесь на меня, дорогой Мастер. Ну конечно, все в деревне болтали, что Билли Почтальон прямо не вылезал из вашего дома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.